БУМАГИ ИВАНА БОРИСОВИЧА ПЕСТЕЛЯ [1]).

I. Краткая біографія И. Б. Пестеля.

Иванъ Борисовичъ Пестель родился 6 Февраля 1765 года въ Москвѣ. Въ 1780 году вступилъ онъ въ военную службу ротмистромъ, а черезъ два года былъ опредѣленъ въ Московскій почтамтъ помощникомъ къ отцу своему, Московскому почтдиректору, съ чиномъ коллежскаго ассессора. Въ 1787 году получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Въ 1789 опредѣленъ въ Московскій почтамтъ почтдиректоромъ, на мѣсто своего отца, который былъ переведенъ почтдиректоромъ въ Петербургъ. Въ 1797 г. получилъ орденъ Св. Анны 2-ой степени. Въ 1798 пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ томъ же году переведенъ въ Петербургскій почтамтъ почтдиректоромъ, и повелѣно ему быть членомъ Главнаго Почтоваго Правленія, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ правящимъ должность президента Главнаго Почтоваго Правленія и пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-ой степени. На 36-мъ году отъ роду пожалованъ онъ въ тайные совѣтники и сенаторы. При Александрѣ Павловичѣ Пестель былъ употребленъ для ревизованія Вятской и Казанской губерній, за что удостоился получить благоволительные рескрипты. Въ 1806 году назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1808 году получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1813 году повелѣно ему присутствовать въ особо-учрежденномъ комитетѣ о питейныхъ откупахъ, а въ 1815 году въ комитетѣ о недоимкахъ по питейному откупу. Въ 1816 году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта въ департаментъ законовъ.

Въ 1821 году Иванъ Борисовичъ Пестель, удалившись отъ службы, оставилъ Петербургъ и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Смоленской губерніи, въ небольшомъ имѣніи супруги своей (въ сельцѣ Васильевѣ, Краснинскаго уѣзда, неподалеку отъ Смоленска) въ уединеніи, помышляя единственно объ уплатѣ долгу (200 тысячъ), нажитаго имъ во время 43-хъ лѣтней совершенно безкорыстной службы и многолѣтняго пребыванія въ Петербургѣ съ многочисленнымъ семействомъ. Не имѣя никакого собственнаго состоянія, онъ съ примѣрною совѣстливостію посвящалъ на то всѣ средства, которыми обязанъ былъ милостямъ императоровъ Александра и Николая.

---

[1]) Нижеслѣдующія бумаги получены нами отъ дочери И. Б. Пестеля, Софьи Ивановны Пестель, при обязательномъ, просвѣщенномъ посредствѣ князя Сергѣя Васильевича Друцкаго-Соколинскаго. *П. Б.*

Здоровье его, поколебленное многими ударами, особливо самыми чувствительными для родительскаго сердца, совершенно разстроилось по кончинѣ обожаемой имъ супруги, тоже убитой горестію. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ принужденъ былъ для леченія проживать зимніе мѣсяцы въ городѣ Смоленскѣ, гдѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался 18-го Мая 1843 г., въ самый день кончины супруги своей, семь лѣтъ послѣ нея, сохранивъ до послѣдней минуты совершенное присутствіе духа и всѣ умственныя способности.

И. Б. Пестель постоянно отличался истинно-христіанскимъ благочестіемъ и искреннею набожностію, строгостію правилъ, совершеннымъ безкорыстіемъ и постоянною готовностію оказать каждому услугу и пособіе, также занимательностію и любезностію въ бесѣдахъ. Многіе оплакивали въ немъ основателя своего благополучія.

Онъ пользовался всеобщею любовью и отличнымъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его.

Онъ говаривалъ: „Я молю Бога о томъ, чтобы мнѣ прожить только до тѣхъ поръ, когда я уплачу всѣ мои долги“. — Въ Апрѣлѣ 1843-го года онъ уплатилъ послѣдній долгъ, а въ Маѣ скончался.

II. Записка о службѣ И. Б. Пестеля, имъ самимъ писанная.

Въ 1799 году былъ я дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ святыя Анны 1 степ. и Владиміра 3 степ. и находился при Герольдіи, куда былъ переведенъ Павломъ съ прежняго моего мѣста предсѣдателя Почтоваго Департамента. Съ женою и тремя сыновьями, изъ коихъ старшему было только 6 лѣтъ, жилъ я своимъ очень малозначительнымъ капиталомъ и деньгами, оставшимися мнѣ еще послѣ уплаты нѣкоторой части моихъ долговъ, отъ продажи имѣнія моего въ Орловской губерніи, пожалованнаго мнѣ государемъ Павломъ Петровичемъ. Ничего другаго не могъ я ожидать въ будущности, какъ горестнаго положенія, въ которомъ я, по издержаніи этого малаго капитала, буду лишенъ не только всѣхъ способовъ къ воспитанію дѣтей моихъ, но даже и всѣхъ средствъ къ существованію. Одному всемогущему Богу извѣстно, какіе горестные часы я проводилъ въ то время.

Въ 1801 году императоръ Александръ вступилъ на престолъ. Ему были отчасти извѣстны причины, которыя лишили меня предсѣдательскаго мѣста и средствъ къ содержанію моего семейства. Я отправился въ Петербургъ [2]) по совѣту тогдашняго Петербургскаго военнаго губернатора графа Палена, который, будучи съ молодыхъ лѣтъ въ дружеской связи съ отцомъ моимъ, былъ всегда особенно хорошо расположенъ ко мнѣ. Онъ призвалъ меня въ Петербургъ съ намѣреніемъ возвратить мнѣ мое прежнее мѣсто предсѣдателя Почтоваго Департамента. Когда я прибылъ въ Петербургъ, то графъ Паленъ былъ уже въ немилости и долженъ былъ оставить не

[2]) Стало быть изъ Москвы? *П. Б.*

только службу, но и самую столицу, и я остался безъ покровительства, не имѣя никого, кто бы могъ поддержать мое прошеніе о принятіи меня въ дѣйствительную службу. Напротивъ того, я долженъ былъ опасаться встрѣтить въ тогдашнемъ factotum [3]), дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ преграду къ исполненію моего желанія, такъ какъ онъ мнѣ очень не доброжелательствовалъ потому, что я замѣнилъ его, когда онъ былъ отставленъ отъ мѣста предсѣдателя Почтоваго Департамента. Я призвалъ Бога на помощь и послалъ прошеніе свое прямо къ Государю. Прошеніе мое отдано было г. Трощинскому, и я находился въ рукахъ моего врага. Богъ, на Котораго я надѣялся, помогъ мнѣ чудеснымъ образомъ: Государь принялъ прошеніе мое очень милостиво и высочайшимъ приказомъ отъ 21 Апрѣля 1801 года я сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и получилъ пожизненную пенсію въ три тысячи рублей ассигнаціями. Мнѣ было тогда 36 л. Такъ какъ состояніе мое не позволяло мнѣ жить съ семействомъ въ Петербургѣ, то я, по просьбѣ моей, былъ опредѣленъ въ Москву, въ 6-й департаментъ Сената.

Теперь находился я на поприщѣ совершенно для меня новомъ и къ которому я никогда не готовился; а потому мнѣ не доставало достаточныхъ познаній, чтобы начать его такъ, какъ предписывали мнѣ мое усердіе и ревность къ службѣ. Съ большимъ прилежаніемъ старался я ознакомиться съ моею новою должностію, и мнѣ не трудно было въ короткое время превзойти въ семъ отношеніи многихъ моихъ товарищей.

Въ томъ-же году государь Александръ прибылъ для коронованія въ Москву. Въ первый разъ явился Его Величество въ общее собраніе Сената. Въ его присутствіи разсматривали дѣло одного знаменитаго вельможи съ незначительнымъ дворяниномъ Смоленской губерніи, который былъ отставной прапорщикъ, противникъ же его былъ генералъ-аншефъ и имѣлъ Андреевскую ленту. Большая часть сенаторовъ держала сторону сильнаго. Чтобы его поддержать, явились въ общее собраніе всѣ министры, государственный канцлеръ графъ Воронцовъ, графъ Завадовскій, Трощинскій, однимъ словомъ всѣ значительнѣйшіе люди того времени.

Я это дѣло читалъ со вниманіемъ, разсматривалъ подробно, увѣрился по совѣсти, что сильный притѣсняетъ слабаго и даже старается его совершенно раззорить. Съ этимъ убѣжденіемъ отправился я, какъ новичекъ въ моемъ званіи, съ трепещущимъ сердцемъ въ Сенатъ. Государь явился. Дѣло прочли и потомъ разсуждали о немъ. Всѣ вышеупомянутыя знаменитыя особы стояли за вельможу. Съ ними согласились большая часть сенаторовъ. Другіе присовокупили только къ сему мнѣнію нѣкоторыя измѣненія въ пользу притѣсняемаго, но не имѣли довольно твердости духа, чтобы воспротивиться желанію любимцевъ Государя. Начали собирать мнѣнія, чтобы рѣшить дѣло, по старшинству голосовъ. Я былъ младшій сенаторъ во всемъ собраніи и, по принятому порядку, долженъ былъ

[3]) Главномъ дѣльцѣ.

первый сказать свое мнѣніе. Я поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но всталъ и говорилъ съ достоинствомъ и сплою. Часто былъ я приводимъ въ смятеніе чрезъ разнообразныя чувства, выражавшіяся на лицахъ присутствующихъ особъ, однакоже благополучно окончилъ свой разборъ процесса и заключилъ рѣчь свою мнѣніемъ, что несчастный дворянинъ былъ обиженъ знаменитымъ своимъ противникомъ и долженъ выиграть тяжбу. Пока я говорилъ, Государь безпрестанно смотрѣлъ на меня и нѣсколько разъ приказывалъ говорить громче. Когда стали собирать голоса, то ни одинъ сенаторъ не былъ моего мнѣнія. Государь первый вышелъ изъ собранія. Проходя мимо меня, Его Величество особенно привѣтливо поклонился мнѣ, и я не сомнѣвался болѣе, что ему понравился мой разборъ сего дѣла. Въ послѣдствіи оно было поднесено Государю, и мое мнѣніе удостоилось высочайшаго утвержденія. Слабый преодолѣлъ сильнаго.

Это происшествіе описываю я столь подробно не потому, чтобы поставить себѣ въ похвалу то, что я въ семъ дѣлѣ такъ поступилъ: я ничему другому не слѣдовалъ, кромѣ убѣжденію моей совѣсти; ибо могъ ли я поступить иначе? Этого требовала моя обязанность къ Богу и Отечеству; но мнѣ казалось необходимымъ изъ сего случая вывести причину, по которой я, будучи только нѣсколько мѣсяцевъ сенаторомъ, былъ избранъ самимъ Монархомъ на одно важное слѣдствіе въ Вятской губерніи.

Г. Трощинскій, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ волю Монарха, чтобы я, на правахъ сенатора, предпринялъ обревизованіе Вятской губерніи, на счетъ управленія которой былъ сдѣланъ доносъ. Я удивился и боялся взяться за столь важное и для меня совсѣмъ новое порученіе. Сообщивъ ему мое опасеніе, я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ на помощь другой сенаторъ, которому бы болѣе былъ извѣстенъ ходъ подобнаго дѣла. Г. Трощинскій сказалъ мнѣ, что Государь самъ меня избралъ для сего порученія. Этому я легко повѣрилъ, зная, какъ мало г. Трощинскій благоволилъ ко мнѣ. И такъ вышеозначеннымъ дѣломъ общаго собранія въ Сенатѣ я пріобрѣлъ довѣренность Государя и обратилъ его вниманіе на себя. Г. Трощинскій обѣщалъ представить Монарху мое объясненіе.

Чрезъ нѣсколько дней данъ былъ приказъ, чтобы 72-хъ лѣтній сенаторъ Николай Николаевичъ Салтыковъ вмѣстѣ со мною предпринялъ обревизованіе Вятской губерніи. Этотъ приказъ вышелъ въ Сентябрѣ 1801 г., т. е. пять мѣсяцевъ послѣ моего назначенія въ сенаторы. Теперь я болѣе не сомнѣвался въ довѣренности Монарха и принялъ оное порученіе безъ страха, однакоже все болѣе полагаясь на защиту и покровительство моего Создателя, нежели на собственныя мои силы, слабость которыхъ я совершенно постигалъ.

Въ Октябрѣ 1801 года отправился я съ моимъ товарищемъ изъ Москвы въ Вятку. Назначеніе г. Салтыкова моимъ товарищемъ въ семъ трудномъ дѣлѣ мало помогло мнѣ. Онъ былъ старъ, никогда порядочно не служилъ и во всю свою жизнь никогда не выѣзжалъ изъ Москвы (гдѣ онъ и родился) далѣе Петербурга и Калуги, гдѣ находилось его значительное имѣніе, ибо онъ былъ очень богатый

человѣкъ. Честность его была примѣрна, но его чрезвычайная боязливость и происходящая отъ того нерѣшительность часто заставляли меня раскаяваться, что я не одинъ предпринялъ слѣдствіе. Мы остались въ Вятской губерніи до Генваря 1802 года. Въ это время мы объѣздили большую часть сей во многихъ отношеніяхъ жалкой губерніи. Само путешествіе въ суровѣйшее время года было такъ тягостно, какъ только можно себѣ представить. Однимъ словомъ не могу описать всего, что̀ я вытерпѣлъ, и моральныя страданія мои во время сего ревизованія были неописанны. При исполненіи онаго я строжайше наблюдалъ всѣ правила безпристрастія и правосудія. По окончаніи нашего порученія послали мы нашъ рапортъ Монарху и отправились въ Москву, гдѣ вступили опять въ прежнюю должность.

Всѣ наши представленія были утверждены, и Государь, довольный нашимъ усердіемъ, наградилъ всѣхъ, кого мы представили къ наградамъ, а мы оба получили милостивый рескриптъ отъ 5 Февраля 1802 года, съ собственною подписью Государя, содержащій великую похвалу нашему благоразумному и на правилахъ строгой справедливости основанному обревизованію.

Въ Генварѣ 1804 года получилъ я опять высочайшее повелѣніе отправиться въ Казанскую губернію, чтобы произвести тамъ слѣдствіе по случаю полученнаго оттуда доноса на многія ужаснѣйшія злоупотребленія. Теперь принялся я за это дѣло одинъ, потому что чувствовалъ себя къ тому способнымъ. Когда я прибылъ въ Казань, то сталъ искать доносчика, чтобы онъ, согласно закону, представилъ доказательства къ своимъ обвиненіямъ. Хотя онъ и подписалъ свое имя, однакоже всѣ мои старанія его найти остались тщетны, не смотря на то, что его искали не только въ Казанской, но и во всѣхъ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Я доложилъ о томъ Государю, прибавивъ, что гдѣ нѣтъ обвинителя, тамъ не можетъ быть и судьи. Отвѣтъ былъ, что Государю довольно извѣстно мое знаніе дѣла и мое благоразуміе и что онъ увѣренъ, что я и безъ доносчика найду средства изслѣдовать всѣ означенныя въ доносѣ злоупотребленія. Тогда я занялся розысками, объѣздилъ всю Казанскую губернію и нашелъ большую часть обвиненій справедливыми. Это изслѣдованіе заняло меня цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ такъ, что я только въ Іюлѣ 1804 года возвратился въ Москву. Тутъ опять мои различныя страданія такъ умножились, что я занемогъ горячкою.

Я послалъ свой рапортъ Монарху, и опять всѣ мои представленія были уважены, и я опять получилъ отъ 21 Іюля 1804 г. рескриптъ съ собственною подписью Государя и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за достохвальное окончаніе ввѣреннаго мнѣ дѣла, за которое удостоился я также получить въ награду отъ 22 Іюля 1804 года 3000 р. столовыхъ денегъ сверхъ сенаторскаго жалованья.

Въ началѣ 1806 года получилъ я отъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея письмо, въ которомъ онъ мнѣ оффиціально объявилъ, что Государь предлагаетъ мнѣ мѣсто генералъ-губернатора Сибири, такъ какъ тогдашняго генералъ-губернатора Селифонтьева хотѣли отставить. Графъ Кочубей никогда не былъ ко мнѣ

благорасположенъ; я имѣлъ много доказательствъ его недоброжелательства, особливо во время моей службы предсѣдателемъ Почтоваго Департамента. Поэтому я могъ быть увѣренъ, что не онъ меня предложилъ въ губернаторы, но что это былъ опять собственный выборъ Монарха, которому противиться считалъ я невозможнымъ. Я отправился въ Петербургъ, чтобы словесно объясниться по сему предмету. Графъ Кочубей принялъ меня учтиво, но холодно, такъ что я очень хорошо видѣлъ, что не ошибся на счетъ расположенія его ко мнѣ. Онъ сообщилъ мнѣ желаніе Государя, чтобы я принялъ мѣсто генералъ-губернатора Сибири. Я представилъ мое недостаточное состояніе, обремененное долгами, мое многочисленное семейство, состоящее тогда изъ 5 сыновей, которымъ всѣмъ нужно еще было дать воспитаніе; мое слабое здоровье, которое, можетъ быть, не въ состояніи будетъ перенести суроваго Сибирскаго климата и многія другія причины, всѣ основанныя на моемъ искреннемъ убѣжденіи и на фактахъ, которые мнѣ легко было доказать, но здѣсь излишне было бы исчислять. Между прочимъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ была та, что, съ самаго введенія намѣстническаго образа правленія въ царствованіе Екатерины II-ой, ни одинъ генералъ-губернаторъ Иркутской губерніи не кончилъ иначе, какъ лишившись своего мѣста и пробывъ много лѣтъ подъ судомъ; напримѣръ, генералъ-лейтенантъ Якоби находился 13 лѣтъ подъ судомъ въ Сенатѣ, пока былъ наконецъ оправданъ; также нынѣ еще живущій генералъ-аншефъ Леццано, послѣ 50 лѣтней военной и статской службы, былъ 8 лѣтъ подъ судомъ и также былъ оправданъ. Туже участь долженъ былъ я ожидать, потому что причины оной не исчезли, а напротивъ того такъ какъ гнусные доносчики оставались всегда безъ наказанія, то они возъимѣли еще болѣе отважности къ новымъ доносамъ. Со страхомъ и трепетомъ долженъ былъ я рѣшиться принять предложеніе Монарха. Кромѣ другихъ соображеній побудило меня къ тому то, что во 1-хъ, я могъ упорнымъ сопротивленіемъ лишиться милости Государя; 2) что мои разстроенныя обстоятельства принуждали меня искать средствъ исправить мое состояніе благодѣяніями Государя; и 3) что я надѣялся на Бога, видя Его десницу во всемъ ходѣ сего дѣла, такъ какъ сіе предложеніе было мнѣ сдѣлано безъ моего вѣдѣнія и желанія, совершенно неожиданно, и отъ кого же?—отъ самаго Монарха. Прежде нежели я согласился, просилъ я во первыхъ дать мнѣ средства заплатить мои долги, потому что не могъ оставить Москвы, не выплативъ ихъ; а во вторыхъ обезпечить судьбу моего семейства, въ случаѣ, ежели я не перенесу Сибирскаго климата. Императоръ велѣлъ мнѣ выдать изъ кабинета 40 т. на 10 лѣтъ, безъ залога и безъ процентовъ. Это было едва достаточно для уплаты моихъ долговъ. Отъ имени Государя получилъ я чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ письменное обѣщаніе, что онъ принимаетъ на себя попеченіе о моемъ семействѣ, въ случаѣ, ежели бы я умеръ во время моей службы въ Сибири. Послѣ сего изданъ былъ 3 Марта 1806 г. высочайшій приказъ моего назначенія Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Тогдашній министръ юстиціи князь Лопухинъ, который постоянно оказывалъ мнѣ дружеское расположеніе съ самой той поры, когда мы были въ одно время, онъ губернаторомъ, а я почтъ-директоромъ въ Москвѣ, представилъ Государю, что мнѣ слѣдовало-бы получить Александровскую ленту, такъ какъ всѣ генералъ-губернаторы ее имѣли, я же и службою своею былъ лично оной достоинъ. Императоръ согласился и сказалъ, что дастъ на сей счетъ повелѣніе графу Кочубею. Не знаю достовѣрно, исполнилъ ли это Государь; но когда я спрашивалъ о томъ графа Кочубея и передалъ ему, съ позволенія князя Лопухина, слова Монарха, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь уже поздно, и мнѣ бы слѣдовало съ самаго начала изъявить ему мое желаніе на сей счетъ: теперь онъ опасается, что оно не понравится Государю; и на сей разъ я не получилъ Александровской ленты, а дали мнѣ ее въ послѣдствіи.

Вмѣстѣ съ другими бумагами, относящимися къ моей новой должности, получилъ я тоже и инструкцію, данную моему предшественнику г. Селифонтьеву, со всѣми содержащимися въ ней преимуществами. Разсмотрѣвъ ее подробно, нашелъ я, что она была такъ несовершенна, такъ двухсмысленна, что опасно было ее принять. Напримѣръ, всѣ части правленія, къ которому бы министерству онѣ ни относились, даже военныя и морскія силы, были подчинены генералъ-губернатору, но съ такимъ ограниченіемъ, что онъ долженъ былъ за все и за всѣхъ отвѣчать, не имѣя ни малѣйшей власти требовать повиновенія отъ всѣхъ отдѣльныхъ частей тамошняго правленія, а потому и никакихъ средствъ содержать ихъ въ должномъ порядкѣ и за нихъ отвѣчать. Я испугался и требовалъ отъ графа Кочубея или перемѣнить сію столь неполную инструкцію, или не поручать генералъ-губернатору столь двухсмысленно подчиненныхъ ему частей правленія и избавить его отъ отвѣтственности за нихъ; ежели же онъ долженъ за нихъ отвѣчать, то слѣдовало подчинить ихъ ему такъ, какъ и всѣ прочія части ему ввѣренныя. Графъ Кочубей измѣнился въ лицѣ, когда я сказалъ это ему, но скоро оправился и отвѣчалъ, что испроситъ у Государя позволенія исполнить мое желаніе. Я повѣрилъ его словамъ и довольствовался ими. Но такъ какъ много времени прошло, и графъ Кочубей мнѣ ничего о семъ предметѣ не говорилъ, то я напомнилъ ему о немъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что Государь приказалъ, чтобы я сперва Сибирь хорошенько узналъ и потомъ уже сдѣлалъ мое представленіе о перемѣнѣ инструкціи. Этотъ отвѣтъ Монарха казался довольно справедливымъ, и такъ какъ онъ мнѣ данъ отъ имени Монарха, то я молчалъ и отправился съ моею жалкою инструкціею къ мѣсту моего назначенія.

Чрезъ долгое время уже узналъ я, что эта инструкція составлена была самимъ графомъ Кочубеемъ вмѣстѣ съ г. Сперанскимъ, который служилъ тогда подъ его начальствомъ. Чтобы ее перемѣнить, должно было представить Государю (который ее утвердилъ) причины къ симъ измѣненіямъ: тогда бы обнаружились всѣ различные недостатки и очевидное безсмыслiе сей инструкціи, и Государь

увидѣлъ бы, какимъ образомъ въ ней самой уже заключались всѣ сѣмена неудовольствій и несогласій между генералъ-губернаторомъ и министрами, отъ коихъ зависѣли отдѣльныя части Сибирскаго правленія. Этого не хотѣли ни графъ Кочубей, ни г. Сперанскій, и я долженъ былъ за то пострадать въ послѣдствіи.

Я началъ тѣмъ, что собралъ нужныя свѣдѣнія о трехъ губернаторахъ, которые должны были служить подъ моимъ начальствомъ. Оказалось: 1) Тобольскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гермесъ, былъ человѣкъ незначущій, который, будучи управляемъ женою, былъ готовъ на всѣ несправедливости для ея угожденія, при томъ не имѣлъ никакого знанія въ дѣлахъ. Жена же его была въ связи съ генералъ-маіоромъ Куткинымъ, который уже 18 лѣтъ позволялъ себѣ ужаснѣйшіе поступки въ Сибири по провіантской части, находящейся подъ его главнымъ начальствомъ. Эти двѣ особы управляли вмѣстѣ Тобольскою губерніею. 2) Въ Томскѣ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвостовъ, человѣкъ вспыльчивый, который былъ уже одинъ разъ отставленъ и судимъ за лихоимство, поступалъ и теперь сообразно характеру своему и своимъ свойствамъ, но имѣлъ многихъ значительныхъ покровителей въ Петербургѣ. 3) Въ Иркутскѣ былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ К. который слѣдовалъ всѣмъ корыстолюбивымъ замысламъ своего директора канцеляріи и всякаго, кто только хотѣлъ имъ управлять. Этотъ К.... служилъ прежде въ морской службѣ;... его выболтировали, когда приходилось произвести его въ генералы по старшинству, и онъ долженъ былъ оставить морскую службу. Послѣ того, чрезъ многочисленныхъ покровителей жены своей, которая была умная женщина, онъ сдѣлался губернаторомъ.

Вотъ какихъ помощниковъ я долженъ былъ имѣть въ многосложномъ и чрезвычайно-трудномъ правленіи Сибири. Я испугался, и мои опасенія были выше всего, что̀ можно себѣ вообразить. Чтобы поправить это положеніе дѣлъ, я не могъ ни къ кому другому обратиться, какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, а это былъ мой пріятель графъ Кочубей. Сколь многія и различныя прѣнія имѣлъ я по сему предмету съ нимъ! Мнѣ бы пришлось написать цѣлый фоліантъ, ежелибы я хотѣлъ подробно изложить всѣ мои переговоры съ нимъ..... Однимъ словомъ, весь результатъ моихъ стараній былъ только тотъ, что Гермесъ былъ переведенъ въ Пермь, а К... ... въ Тобольскъ; Хвостовъ же, болѣе всѣхъ покровительствуемый, остался въ Томскѣ. Нужно замѣтить, что Тобольская губернія менѣе двухъ прочихъ представляетъ затрудненій въ своемъ управленіи, потому что въ ней нѣтъ поселенія ссыльныхъ преступниковъ. Посему хотѣлъ я, что ежели мнѣ непремѣнно должно было имѣть К. при себѣ губернаторомъ, то чтобы онъ по крайней мѣрѣ находился бы въ маловажнѣйшей губерніи. Иркутская губернія мнѣ болѣе всего причиняла заботъ: эта губернія всѣмъ моимъ предшественникамъ, такъ сказать, шею сломила. Съ этой стороны я долженъ былъ болѣе всего обезопасить себя, и потому мнѣ нужно было избрать туда губернаторомъ человѣка совершенно надеж-

наго. Съ твердостію настаивалъ я на томъ, чтобы сей выборъ былъ предоставленъ мнѣ; въ этомъ я успѣлъ и послѣ многихъ, тщетныхъ поисковъ долженъ былъ рѣшиться, потому что время этого требовало. Нынѣшній дѣйствительный статскій совѣтникъ Трескинъ былъ тогда вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ. Отецъ его былъ священникомъ. Въ 1789 году я взялъ его изъ Рязанской семинаріи писаремъ къ себѣ въ Московскій Почтамтъ, куда я только что былъ опредѣленъ почтъ-директоромъ. До 1799 года онъ служилъ при мнѣ. Я его, такъ сказать, образовалъ къ службѣ и зналъ его правила, его строгую честность и искреннее благочестіе. Нельзя было найти человѣка надежнѣйшаго, который бы былъ мнѣ болѣе преданъ и даже изъ благодарности болѣе привязанъ. Будучи вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ, онъ отличался своею честностію, дѣятельностію и своимъ прилежаніемъ. При томъ онъ былъ человѣкъ съ большими способностями и съ здравымъ разсудкомъ. Я писалъ къ нему, и мнѣ удалось все такъ устроить, что онъ, не смотря на отдаленіе Сибири и на многочисленное свое семейство, рѣшился сопровождать меня туда. Послѣ многихъ причиняемыхъ мнѣ затрудненій успѣлъ я наконецъ въ томъ, что Николай Ивановичь Трескинъ, бывшій тогда статскимъ совѣтникомъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ губернаторомъ въ Иркутскъ.

Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга я былъ представленъ Государю и потомъ приглашенъ на обѣдъ ко Двору. Послѣ обѣда Государь позвалъ меня въ свой кабинетъ и простился со мною въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ и съ трогательнѣйшими увѣреніями своего покровительства, необходимость котораго я съ сердечнымъ умиленіемъ изобразилъ Его Величеству. Я надѣялся получить прощальной аудіенціи Александровскую ленту, однакоже не получилъ ея и уѣхалъ въ Москву къ своему семейству. Тутъ остался я столько, сколько нужно было, чтобы приготовиться къ дорогѣ. Г. Трескинъ прибылъ тоже въ Москву, и мы вмѣстѣ отправились въ Сибирь въ Іюнѣ 1806 года.

Малое время пробылъ я въ Тобольскѣ и старался только узнать различныхъ чиновниковъ. Губернатора К. нашелъ я таковымъ, какъ мнѣ его описали, и меня страшила необходимость имѣть съ нимъ дѣло въ столь важныхъ случаяхъ и поручить ему благосостояніе цѣлой губерніи. Я ревизовалъ присутственныя мѣста, сдѣлалъ нужныя распоряженія, чтобы дать лучшій ходъ дѣламъ и т. под. Излишне бы было подробно изложить здѣсь всѣ мои распоряженія, и потому довольствуюсь увѣреніемъ, какъ отъ честнаго человѣка, что я ничего не упустилъ, что̀ отъ меня зависѣло, чтобы въ короткое время принести всю пользу, которую могъ сдѣлать. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, я отслужилъ въ соборѣ молебенъ чтобы всенародно умолять Всемогущаго о дарованіи мнѣ Его святой помощи на исполненіе обязанностей генералъ-губернатора. Архіерей самъ служилъ при семъ случаѣ, всѣ чиновники въ Тобольскѣ были приглашены къ сему молебну, множество людей собралось въ церковь, и мы молились за Царя и Отечество. Такъ какъ

я не принадлежалъ къ Греческому исповѣданію, то распоряженіе сіе произвело на всѣхъ желаемое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ предшественниковъ моихъ, хотя и Греческаго исповѣданія, этого не дѣлалъ. Каждое Воскресеніе утромъ всѣ чиновники, по изстари заведенному въ Сибири обыкновенію, собирались ко мнѣ; я непремѣнно всегда, вмѣстѣ съ ними, отправлялся въ Соборъ къ обѣдни. Это также произвело выгодное впечатлѣніе, доказывая уваженіе мое къ религіи моего Отечества. Я отправился въ Томскъ, и мое вступленіе въ должность ознаменовалъ также молебномъ, какъ и въ Тобольскѣ, и всѣ мои распоряженія были въ томъ же духѣ. Губернатора Хвостова нашелъ я также такимъ, какимъ мнѣ его изобразили въ Петербургѣ. Онъ хотѣлъ имѣть верхъ надо мною и меня устрашить своими сильными связями въ Петербургѣ, но я умѣлъ держать его въ рукахъ и въ должномъ ко мнѣ почтеніи. Наконецъ, въ Октябрѣ 1806 года, прибылъ я въ опаснѣйшую изъ ввѣренныхъ мнѣ губерній, т. е. въ Иркутскъ. Такое же отслуженіе молебна было и здѣсь первое мое дѣйствіе при вступленіи въ должность.

Я раздѣлилъ свою канцелярію на экспедиціи и занимался особенно съ каждымъ экспедиторомъ по ввѣреннымъ ему дѣламъ. Директора канцеляріи у меня не было. Директоръ канцеляріи моего предшественника былъ главною причиною, что сей послѣдній лишился своего мѣста; онъ во зло употреблялъ довѣренность своего начальника генералъ-губернатора Селифонтьева и чрезъ то причинилъ много безпорядковъ и злоупотребленій. Я обращался съ нимъ такъ холодно, что онъ скоро замѣтилъ, что я не намѣренъ оставить его при себѣ и самъ вышелъ въ отставку; а я почелъ себя счастливымъ, что освободился отъ него, не сдѣлавъ его несчастнымъ, потому что я никому не хотѣлъ вредить, когда этого можно было избѣгнуть.

Опредѣливъ Трескина въ его должность, я принялся за дѣла съ чистѣйшимъ и истинно-христіанскимъ намѣреніемъ содѣйствовать, сколько въ моихъ силахъ было, къ благополучію ввѣренныхъ мнѣ губерній и ихъ жителей. Вся моя жизнь въ Сибири во все время моего пребыванія тамъ была ничто иное, какъ безпрерывное занятіе по дѣламъ моей службы. Даже часы моего отдохновенія, когда я гулялъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ или въ экипажѣ, употреблялъ я на то, чтобы посѣщать тюрьмы, изслѣдовать содержаніе арестантовъ, осматривать заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, больницы и другія заведенія, находящіяся въ городѣ или близь него. Самый городъ старался я строгимъ полицейскимъ порядкомъ содержать въ спокойствіи и безопасности: ибо когда я туда прибылъ, то вечеромъ, какъ только темно становилось, никто не осмѣливался, особенно изъ женскаго пола, явиться одинъ на улицѣ. Не только ссыльные преступники, но даже самые гарнизонные солдаты безпокоили и грабили прохожихъ, а иногда вламывались ночью въ дома. Въ короткое время ввелъ я спокойствіе и порядокъ. Мука стоила 3 рубля, скоро цѣна эта опустилась до 1 р. 50 коп., а наконецъ и до 90 коп. и никогда не превышала 1 рубля, пока я жилъ

въ Иркутскѣ; чрезъ нѣсколько лѣтъ мука вздорожала, но никогда не дошла до прежней 3-хъ рублевой цѣны. Впрочемъ и этому возвышенію цѣны была естественная причина, а именно пятилѣтній неурожай во всей губерніи. Говядина стоила отъ 10 до 12 коп. фунтъ, чрезъ мое распоряженіе лучшій сортъ стоилъ 4 коп., а низшій $2\frac{1}{2}$ коп. фунтъ. Тоже устройство введено было въ Тобольской и Томской губерніяхъ и съ такимъ же счастливымъ успѣхомъ. Но самыя эти перемѣны, столь полезныя для общаго блага и особливо для бѣдныхъ жителей губерніи, были первымъ поводомъ къ неудовольствію тѣхъ, которые обратили торговлю мукою и говядиною въ монополію для себя и, получая отъ того большія выгоды, дѣлились съ чиновниками, обязанными наблюдать за тѣмъ, чтобы не было монополіи. Отъ сего произошло, что богатѣйшіе купцы-монополисты и чиновники, которымъ они платили за ихъ снисхожденіе, видя себя лишенными значительныхъ выгодъ, стали недовольны и желали избавиться отъ подобнаго управленія. Участь моихъ предшественниковъ и даже самихъ губернаторовъ (такъ какъ ни одинъ губернаторъ не прослужилъ въ Иркутскѣ далѣе 3-хъ лѣтъ, не попавъ подъ судъ и не лишившись мѣста) была причиною, что доносчики и, просто сказать, величайшіе плуты въ губерніи начали искать средства избавиться отъ меня и отъ Трескина такимъ же образомъ, какъ они освободились отъ прежнихъ начальниковъ. Они имѣли покровителей во многихъ департаментахъ, министерствахъ и особенно въ Сенатѣ, потому что могли удѣлять значительную часть того, что́ пріобрѣтали въ Сибири столь неправеднымъ образомъ. Уже въ первомъ году моего пребыванія были посланы жалобы и доносы; но такъ какъ я пользовался довѣренностію Монарха, то могъ оправдать себя и г. Трескина, и послѣдствія были для насъ благопріятны.

Главные зачинщики этихъ доносовъ были купцы Мельниковъ и Сибиряковъ; чрезъ ихъ происки уже три губернатора и два генералъ-губернатора, Якоби и Леццано, лишились мѣста и подпали подъ судъ. Такъ какъ они не были довольно образованы, чтобы самимъ писать, то употребляли на то нѣкотораго Гарновскаго, который былъ во время моего прибытія въ Иркутскѣ предсѣдателемъ Гражданской Палаты. Этотъ Гарновскій былъ уже 4 раза подъ уголовнымъ судомъ. Будучи отставленъ именнымъ указомъ съ тѣмъ, чтобы никогда не быть принятымъ въ службу, онъ однакоже снова былъ опредѣленъ и былъ теперь колежскій совѣтникъ и, какъ сказано выше, предсѣдателемъ одного изъ важнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ,—отъявленный злодѣй, для котораго ничего не было святаго и который Богу не вѣрилъ. Хотя свойства Гарновскаго всѣмъ были извѣстны въ Сибири, но онъ умѣлъ такъ хитро распоряжаться, что ничѣмъ нельзя было доказать его дѣйствій, какъ главнаго виновника всѣхъ безпокойствъ въ Иркутской губерніи; и такъ я долженъ былъ его терпѣть и дожидаться, пока онъ не выкажетъ себя таковымъ, каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Но Мельниковъ и Сибиряковъ уже были нѣкоторыми опредѣленіями

Сената, особливо въ ихъ доносахъ противъ Якоби и Леццано, уличены, какъ люди безсовѣстные и безпокойные. Я настоялъ, чтобы они были удалены и лишены возможности производить новые безпорядки въ Иркутской губерніи. Государь прочелъ мое донесеніе съ большимъ вниманіемъ и приказалъ мнѣ предоставить сослать этихъ людей по моему благоусмотрѣнію. Я назначилъ имъ: для пребыванія одному—Нерчинскъ, гдѣ онъ имѣлъ главную торговлю, а Мельникову—Баргузинъ, чтобы онъ могъ тамъ пользоваться минеральнымъ источникомъ, такъ какъ онъ страдалъ ревматизмомъ и параличемъ. Доказательствомъ тому, что я въ этомъ поступилъ не противъ справедливости, можетъ служить то, что родственники Мельникова и Сибирякова по сіе время остались преданы мнѣ и Трескину. Здѣсь долженъ я замѣтить, что въ инструкціи Сибирскаго генералъ-губернатора находится одинъ пунктъ, гдѣ сказано: „Что „генералъ-губернаторъ имѣетъ право всѣхъ доносчиковъ и людей „безпокойныхъ, которые доносы свои ничѣмъ доказать не могутъ, „а дѣлаютъ ихъ только съ намѣреніемъ вредить, сослать подъ при„смотромъ полиціи туда, гдѣ они могутъ по его мнѣнію быть без„вреднѣе“. Этою властію генералъ-губернатора я во все время моего 14 лѣтняго управленія Сибири ни разу не воспользовался, но всегда отдавалъ виновныхъ подъ судъ и предавалъ ихъ строгости закона, не слѣдуя собственному моему произволу.

Примѣръ Мельникова и Сибирякова имѣлъ то счастливое слѣдствіе для Сибири, что доносчики, липпившись своей главной подпоры, присмирѣли, и спокойствіе было возстановлено. Но враги остались врагами, и ихъ защитники въ Петербургѣ сдѣлались еще опаснѣйшими непріятелями для меня и Трескина и выжидали только удобную минуту, чтобы выжить насъ изъ Сибири, такъ какъ доходы ихъ значительно уменьшались чрезъ насъ. Я это зналъ и былъ тѣмъ осторожнѣе въ моихъ поступкахъ. Но это не обезопасило меня, и всѣ мои представленія, относящіяся ко благу Сибири, были искажены, опровергнуты, или оставались безъ отвѣта. Всѣ мои старанія о награжденіи чиновниковъ, служащихъ при мнѣ вѣрно и усердно, остались безуспѣшны. Изъ моихъ подчиненныхъ хорошіе не получали одобренія, а дурные были покровительствуемы. Когда я находилъ нестерпимые безпорядки и грабительства въ отдѣльныхъ частяхъ правленія, какъ то по горной части, между духовенствомъ (которое въ Сибири самое безнравственное, какое можно себѣ только представить), въ военной и морской службѣ и, не имѣвъ возможности, благодаря моей двусмысленной инструкціи (какъ выше было подробно объяснено) самъ тому помочь, писалъ о томъ тѣмъ министрамъ, которымъ эти части были подчинены: то они, по внушеніямъ покровителей Сибирскихъ плутовъ, принимали это какъ присвоеніе непринадлежащаго мнѣ права вмѣшиваться въ сіи части правленія, и я получалъ часто обидные отвѣты, а безпорядки тѣмъ болѣе усиливались, чѣмъ вѣрнѣе виновники оныхъ надѣялись на защиту въ Петербургѣ. Не смотря на то, я же долженъ былъ по инструкціи моей отвѣчать за эти безпорядки и злоупотребленія. Я

послалъ все въ Сенатъ, для законнаго изслѣдованія и рѣшенія, а по сему можно судить, какъ несчастно было мое положеніе: съ искреннѣйшимъ желаніемъ, съ живѣйшимъ стремленіемъ принести пользу, я былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ тому, и чрезъ кого? Чрезъ тѣхъ, чья подпора мнѣ такъ необходима была. Такимъ образомъ возникли плоды изъ того сѣмени несогласія, которое находилось въ самой инструкціи. Министры были недовольны, я видѣлъ мою опасность и не могъ даже достичь исполненія моего живѣйшаго желанія устроить благосостояніе и счастіе Сибири. Я не могъ быть полезнымъ моимъ подчиненнымъ, не могъ награждать заслуги и наказывать проступки. За чѣмъ же былъ я въ Сибири? Пусть вообразятъ мое положеніе и чувства, которыя съ утра до вечера волновали духъ мой. Одинъ я знаю, сколь несчастны и горестны были дни моего пребыванія въ Сибири, особливо при моемъ чувствительномъ и раздражительномъ нравѣ. Я рѣшился настоятельно испрашивать перемѣны моей инструкціи и права обращаться въ важныхъ случаяхъ прямо къ Государю, чтобы спасти себя на будущее время отъ одинаковой участи съ моими несчастными предшественниками.

Во время моего пребыванія въ Иркутскѣ получилъ я извѣстіе о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ губернаторовъ К.....а и Хвостова и провіантскаго генералъ-маіора Куткина. Я рѣшился отправиться самъ, чтобы лично во всемъ удостовѣриться на мѣстѣ. Въ инструкціи моей было поставлено мнѣ въ обязанность, въ случаѣ нужды, такъ какъ разстоянія столь велики (ибо Иркутскъ отъ Томска на 1500 верстъ, а отъ Тобольска на 3000) передать мою власть кому нибудь по собственному моему выбору. Сообразно сему далъ я губернатору Трескину право въ чрезвычайныхъ случаяхъ дѣйствовать на моихъ правахъ по нѣкоторымъ пунктамъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый разъ донести мнѣ, какія причины его побудили воспользоваться этимъ позволеніемъ. Я извѣстилъ о сей мѣрѣ министра внутреннихъ дѣлъ. И такъ я этого не таилъ, а ежели и поступилъ неблагоразумно, то министръ долженъ бы былъ мнѣ это замѣтить. Но этого не было; въ послѣдствіи же поставили мнѣ это въ вину.

Прибывъ въ Томскъ, получилъ я жалобу на губернатора Хвостова, что онъ, разъѣзжая, для учиненія предписаннаго ежегоднаго обревизованія губерніи, во многихъ уѣздахъ собиралъ мужиковъ и, подъ предлогомъ освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ повинностей, собиралъ деньги съ каждой души. Я учредилъ особенную коммисію изъ людей достойныхъ моего довѣрія и извѣстныхъ мнѣ своею честностію и поручилъ имъ отправиться въ назначенные уѣзды и, произвести на мѣстѣ подробное изслѣдованіе. Слѣдствіемъ сего было то, что не только 90 человѣкъ присягою подтвердили истину сей жалобы, но еще нашлись въ волостныхъ правленіяхъ письменные акты, для взысканія съ каждой души по 50 коп. для губернатора. Деньги эти были отданы въ собственныя руки губернатора при свидѣтеляхъ, которые подтвердили это присягою.

Когда я получилъ всѣ бумаги этого слѣдствія, подтвержденныя присягою и другіе акты, не подверженные никакому сомнѣнію, то

самъ донесъ о томъ Государю. Хвостовъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста и призванъ въ Петербургъ, чтобы быть судимымъ въ Сенатѣ. Сенатъ нашелъ его виноватымъ, но измѣнилъ его наказаніе, и ему должно было отдѣлаться тѣмъ, что ему вмѣнено было въ наказаніе долговременное пребываніе подъ судомъ, такъ какъ это рѣшеніе вышло чрезъ 10 лѣтъ. Дѣло это пошло въ Государственный Совѣтъ, который подтвердилъ опредѣленіе Сената; но когда оно представлено было къ Государю, то Его Величество приписалъ собственноручно, чтобы Хвостова впередъ никогда въ службу не принимать. Далѣе будетъ сказано, какъ и это въ послѣдствіи перемѣнено. Я поѣхалъ въ Тобольскъ. Тамъ нашелъ я, что губернаторъ К....въ заключилъ съ купцомъ Пол.... [4]) контрактъ, по которому сей послѣдній принималъ на себя содержаніе и исправленіе дорогъ въ Тобольской губерніи въ продолженіи 3-хъ лѣтъ за 200 т. руб. и, 50,000 были ему уже выплачены впередъ. Контрактъ былъ заключенъ 20 Марта, а 25 Марта К....въ далъ приказаніе всѣмъ исправникамъ, чтобы крестьяне неотлагательно сами исправили бы дороги. Противозаконное дѣйствіе въ семъ заключается въ слѣдующемъ: 1) По закону никакой контрактъ не можетъ быть заключенъ никакимъ лицемъ и никакимъ присутственнымъ мѣстомъ безъ утвержденія Сената, ежели сумма превышаетъ 10,000 руб., а тѣмъ менѣе могутъ быть 10,000 руб. казенныхъ денегъ истрачены безъ согласія Сената; К....въ же заключилъ этотъ контрактъ не только безъ свѣдѣнія Сената, но даже не спросивъ генералъ-губернатора. 2) Онъ такимъ же образомъ выдалъ изъ казны 50,000 руб. 3) Одна изъ повинностей крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы они: или платили 25 коп. съ души, или сами исправляли дороги. К....въ же, не испросивъ на то разрѣшенія Сената и не увѣдомивъ меня, какъ генералъ-губернатора, выдалъ купцу Пол..... 50,000 руб. изъ этого 25 копѣечнаго сбора, который крестьяне заплатили за истекшій годъ для освобожденія себя отъ исправленія дорогъ. И такъ какъ онъ притомъ выдалъ повелѣніе, чтобы въ этомъ году крестьяне сами исправляли дороги, то вышло, что бѣдные крестьяне заплатили и 25 коп. съ души, и все однако же должны были работать. Все это было доказано собственноручно К....вымъ подписанными документами, приказами и контрактомъ, заключеннымъ имъ съ Пол.... въ Губернскомъ Правленіи. Я остановилъ исполненіе контракта, не имѣвъ права его уничтожить, увѣдомилъ о томъ Сенатъ и, препроводивъ къ нему всѣ акты и бумаги по сему дѣлу, донесъ Государю о всемъ ходѣ онаго. К.....въ былъ отрѣшенъ и отданъ подъ судъ въ Сенатъ. Рѣшеніе Сената было тоже, какъ и въ дѣлѣ Хвостова: ему вмѣнили въ наказаніе 10-лѣтнее пребываніе подъ судомъ. Государственный Совѣтъ утвердилъ это опредѣленіе, но Государь прибавилъ, чтобы К....ва никогда болѣе не принимать въ службу. Теперь, съ 1822 года, К....въ и Хвостовъ сдѣлались тайными совѣтниками и сенаторами и получили жалованье за все время ихъ отставки, по представленію моего преемника г. Сперанскаго. Мнѣ неизвѣстно, какимъ образомъ эти люди

[4]) Такъ въ рукописи. *П. Б.*

оправдались и выхлопотали себѣ столь блестящее вознагражденіе. Я въ этихъ обоихъ дѣлахъ поступилъ по совѣсти и увѣряю, что ежели бы мнѣ еще 90 разъ въ жизни встрѣчались подобныя дѣла, то я точно бы такъ дѣйствовалъ, какъ въ этотъ разъ. Совѣсть моя чиста, и я желаю, чтобы и другіе могли тоже сказать про себя. Пока производилось слѣдствіе по дѣлу К....ва, онъ, опасаясь конца онаго, написалъ въ Петербургъ своимъ покровителемъ, которые выхлопотали ему позволеніе пріѣхать въ столицу и, не спросивъ меня, К....въ получилъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ, съ торжествомъ, увѣряя всѣхъ, что скоро онъ возвратится, а я буду отставленъ. Вышло иначе, какъ уже сказалъ.

Наконецъ приступилъ я къ изслѣдованію ужасныхъ злоупотребленій, которыя были въ теченіе 15 лѣтъ производимы генералъ-маіоромъ Куткинымъ въ Тобольскомъ провіантскомъ депо. Здѣсь излишнее было бы ихъ всѣхъ исчислять и описывать; довольно будетъ сказать, что несомнѣнно доказаннаго лихоимства и грабительства открылось на сумму около полмилліона. Куткинъ, подобно другимъ дурнымъ людямъ въ Сибири, имѣлъ сильную руку въ столицѣ. Когда онъ увидѣлъ, что ему трудно будетъ выпутаться, то обратился къ своимъ покровителямъ въ Петербургѣ, и я вдругъ получилъ приказъ, что Куткинъ произведенъ въ члены генералъ-провіантской экспедиціи въ Военной Коллегіи, и ему повелѣно было немедленно туда отправиться. И такъ онъ находился на такомъ мѣстѣ, гдѣ могъ быть самъ себѣ судья, такъ какъ мое слѣдствіе по его дѣйствіямъ въ Тобольскѣ должно было поступить въ туже самую экспедицію, гдѣ онъ былъ членомъ. Я тотчасъ послалъ къ Государю мое донесеніе по дѣлу Куткина. Куткинъ поѣхалъ съ торжествомъ въ Петербургъ и обѣщалъ свое покровительство всѣмъ, которые мною были не довольны, въ полной увѣренности, что я не останусь долго на моемъ мѣстѣ. Онъ прибылъ въ Петербургъ, но вмѣсто того, чтобы вступить въ свою новую должность, былъ немедленно, по повелѣнію Государя, отправленъ съ фельдъ-егеремъ обратно ко мнѣ, съ приказомъ: содержать его подъ арестомъ на гауптвахтѣ, или гдѣ мнѣ заблагоразсудится. Прибывъ въ Тобольскъ, онъ даже не явился ко мнѣ, потому что я тотчасъ же велѣлъ отвезти его въ собственный его домъ, къ его семейству, гдѣ онъ и жилъ постоянно, не будучи нисколько обезпокоенъ. Я продолжалъ мое изслѣдованіе и нашелъ новыя доказательства неограниченнаго лихоимства и грабительства сего безсовѣстнаго, но очень умнаго и хитраго человѣка. Двѣ коммисіи, одна военная, а другая составленная изъ гражданскихъ чиновниковъ, разсматривали дѣло Куткина, и обѣ доказали все вышесказанное. Во время сего слѣдствія, Куткинъ не переставалъ возбуждать всѣхъ недовольныхъ; много просьбъ написано было противъ меня и чрезъ его посредничество доставлено въ Петербургъ. Между прочимъ послалъ и онъ на меня жалобу, будто-бы я содержалъ его подъ арестомъ въ столь тѣсномъ и нездоровомъ помѣщеніи, что онъ, будучи высокаго роста, не могъ прямо стоять и при томъ никогда не могъ видѣть своего семейства.

Доказательствомъ, сколь это несправедливо, можетъ служить слѣдующее: 1) Онъ встрѣтился мнѣ однажды, прогуливаясь со всѣмъ своимъ семействомъ и, когда я ему поклонился, то онъ даже шляпы не снялъ; этимъ онъ самъ хвалился въ донесеніи, посланномъ имъ въ Петербургъ. 2) Ежели бы я его содержалъ такъ строго, то какимъ образомъ могли бы его жалобы и прошенія доходить къ Государю прямо? Этотъ Куткинъ меня такъ очернилъ, что и теперь еще многіе считаютъ меня тираномъ за мое обхожденіе съ нимъ. Призываю въ свидѣтели Бога, Котораго я съ молодыхъ лѣтъ привыкъ бояться и любить, что съ этимъ злодѣемъ поступалъ я самымъ снисходительнымъ и человѣколюбивымъ образомъ.

Всѣ изслѣдованія обѣихъ коммисій по дѣлу Куткина были, по повелѣнію Государя, переданы въ аудиторіатъ для окончательнаго приговора. Тамъ оставалось это дѣло 12 лѣтъ, пока наконецъ было рѣшено уже послѣ того, какъ Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ и, не смотря на всѣ старанія Куткина и его покровителей, меня ни въ чемъ не могли обвинить. Но какихъ непримиримыхъ враговъ это дѣло возбудило противъ меня! Обличая воровъ и плутовъ, я какъ будто раздразнилъ цѣлый рой осъ. Въ свѣтскомъ отношеніи я конечно несчастливъ и много, очень много претерпѣлъ огорченій, обидъ и оскорбленій всякаго рода; но чистой совѣсти и надежды на будущую жизнь—этого не можетъ никакая власть у меня отнять, также какъ и незапятнанной чести, съ которой я нѣкогда, съ Божіею помощію, спокойно сойду во гробъ.

Во время моего пребыванія въ Тобольскѣ, по повелѣнію Государя, былъ присланъ ко мнѣ съ фельдъ-егеремъ тогдашній коммерціи совѣтникъ и откупщикъ Иркутской губерніи Передовщиковъ съ высочайшимъ указомъ: содержать его подъ строгимъ присмотромъ, чтобы законнымъ образомъ изслѣдовать его преступленія, открытыя графомъ Головкинымъ и предать его всей строгости закона. Такъ какъ это дѣло началось уже въ Иркутскѣ, во время моего тамъ пребыванія, то я послалъ Передовщикова подъ карауломъ въ Иркутское Губернское Правленіе, съ предписаніемъ содержать его подъ арестомъ, и это дѣло, самимъ мною изслѣдованное, окончить законными допросами и очными ставками, а потомъ Передовщикова и его соучастниковъ отдать подъ судъ. Я разскажу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ судьбу и поступки этого преступника.

Передовщиковъ былъ бѣдный мѣщанинъ, съ большимъ умомъ и предпріимчивымъ духомъ. Онъ былъ цѣловальникомъ у одного откупщика и разливалъ водку такъ выгодно для себя, что нажилъ себѣ капиталъ, и откупщикъ прогналъ его. Онъ взялъ откупъ вмѣстѣ съ другими, обманулъ и раззорилъ своихъ товарищей, а самъ обогатился. Въ царствованіе государыни Екатерины II былъ онъ очень долго подъ уголовнымъ судомъ, пока его покровители все изъ него вытянули и когда ему уже нечего было болѣе давать, тогда законъ былъ приведенъ въ исполненіе, и правосудіе одержало верхъ; и такъ какъ онъ былъ уличенъ между прочимъ въ смертоубійствѣ, то былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ, какъ преступникъ, на желѣзные за-

воды въ Туруханскъ, въ Томской губерніи. Тамъ обманывалъ онъ различнымъ образомъ кочевыхъ жителей тѣхъ странъ и нажилъ себѣ значительный капиталъ, посредствомъ котораго пріобрѣлъ много покровителей и между прочимъ довольно сильныхъ. Онъ написалъ въ трогательныхъ выраженіяхъ письмо государю Павлу I и подписался имянитымъ гражданиномъ. Извѣстно, что это званіе даетъ купцамъ одинакія права съ званіемъ комерціи совѣтника. Государь Павелъ I даровалъ Передовщикову прощеніе и позволеніе вступить въ свои прежнія права, такъ какъ онъ былъ въ послѣднее время купцомъ, когда подвергся наказанію кнутомъ и былъ сосланъ. Въ отвѣтъ на его просьбу послѣдовало прощеніе, исходатайствованное ему защитниками его и подписанное самимъ Государемъ; тутъ былъ онъ наименованъ имянитымъ гражданиномъ и чрезъ то сдѣлался купцомъ первой гильдіи: слѣдственно онъ однимъ почеркомъ пера получилъ всѣ права, принадлежащія купцамъ перваго класса, между прочимъ право ѣздить четвернею. И такъ этотъ плутъ и убійца былъ вдругъ оправданъ и вступилъ съ величайшею отважностію на свое новое поприще, ознаменованное столь блестящимъ началомъ. Въ короткое время онъ сдѣлался комерціи совѣтникомъ и заключилъ контракты на значительнѣйшіе подряды, между прочимъ на доставленіе провіанта всѣмъ войскамъ во всей Сибири, взялъ откупъ въ Иркутской губерніи и проч., что̀ составило все вмѣстѣ сумму на нѣсколько милліоновъ. При его образѣ мыслей и при сообразныхъ тому правилахъ, съ которыми не было для него ничего святаго и непозволеннаго, какъ скоро дѣло касалось до его личной выгоды, нажилъ онъ въ короткое время несмѣтное богатство, пріобрѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ и дачь въ Петербургѣ и окрестностяхъ и жилъ на большой ногѣ. Молодая и красивая жена его была достойная супруга такого человѣка. Множество покровителей имѣлъ онъ въ Сенатѣ и въ департаментахъ всѣхъ министерствъ. Министрамъ давалъ Передовщиковъ часто великолѣпнѣйшіе обѣды и праздники, и когда самъ бывалъ у нихъ, то былъ отлично принятъ, и его сажали на диванъ подлѣ министра и проч., чему я самъ былъ свидѣтель. Таково было положеніе Передовщикова, когда я въ 1806 году сдѣлался генералъ-губернаторомъ. Когда онъ въ первый разъ явился ко мнѣ, то я принялъ его вѣжливо, но какъ начальникъ, такъ какъ это и прилично *было и* какъ *мои* правила предписывали мнѣ принять подобнаго человѣка. Онъ хотѣлъ величаться предо мною и говорилъ много про своихъ знатныхъ покровителей, называя ихъ своими друзьями. Однакоже я скоро съ надлежащею холодностію и важностію поставилъ его на свое мѣсто, и разительное различіе было въ его обхожденіи со мною и съ его знаменитыми покровителями. Онъ имѣлъ довольно опытности и довольно ума, чтобы скоро узнать меня и замѣтить, что я не такой генералъ-губернаторъ, какого ему нужно было для его дѣйствій въ Сибири; и потому онъ говорилъ многимъ, что не долго оставятъ меня на моемъ мѣстѣ, ежели я не перемѣнюсь. Въ томъ же году, какъ я былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ, находился въ Иркутскѣ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, отправленный по-

сланникомъ въ Китай и который былъ главнымъ виновникомъ отрѣшенія моего предмѣстника г. Селифонтьева отъ должности генералъ-губернатора Сибири. Во время своего пребыванія въ Иркутскѣ открылъ онъ тамъ множество злоупотребленій, грабительствъ и разнаго рода лихоимства и преступленій, учиняемыхъ тамъ Передовщиковымъ. Графъ Головкинъ донесъ обо всемъ Государю, и мнѣ поручено было изслѣдовать это дѣло и дать ему законный ходъ. Немедленно по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, занялся я этимъ дѣломъ самъ, потому что боялся повѣрить его кому другому, по причинѣ обширнаго покровительства, которымъ Передовщиковъ пользовался въ Петербургѣ и въ Иркутскѣ. Я приступилъ къ нему со всевозможною осторожностію и съ строгимъ безпристрастіемъ. Я велѣлъ захватить всѣ его бумаги, находящіяся въ его Иркутской конторѣ, и оказалось документами, писанными собственною его рукою, что 1) онъ обокралъ казну на сумму болѣе 600 т.; 2) что онъ приказывалъ вливать въ водку воды для своей выгоды, но чтобы покупатели не жаловались на слабость водки, то онъ составилъ и собственною рукою написалъ рецептъ, гдѣ назначены были разныя спеціи и пропорціи, въ которой ихъ должно было употреблять для приданія водкѣ крѣпости. Между прочимъ опредѣлена была такая сильная порція купороса, что многіе отъ того занемогли, а нѣкоторые умерли. Эти смертные случаи были первымъ поводомъ къ изслѣдованію, предпринятому графомъ Головкинымъ. Умершихъ анатомировали, и доктора утверждали, что причиною смерти былъ купоросъ. Излишне и неумѣстно бы было здѣсь исчислять подробно всѣ преступленія Передовщикова и его соучастниковъ; и такъ я довольствуюсь только замѣчаніемъ, что приговоръ Иркутской Уголовной Палаты былъ самый справедливый и безпристрастный, какой только можетъ быть. По этому приговору Передовщиковъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ своихъ правъ и къ ссылкѣ на каторжную работу въ Нерчинскъ. Я разсматривалъ это дѣло болѣе 20-ти разъ прежде, нежели его утвердить и потомъ отослать его въ Сенатъ, для разсмотрѣнія и рѣшенія. Такъ какъ Передовщиковъ былъ комерціи совѣтникомъ, то этотъ приговоръ не могъ быть иначе исполненъ надъ нимъ, какъ съ утвержденіемъ самаго Государя. Для обезпеченія казны, Уголовная Палата, осудившая Передовщикова, наложила запрещеніе на его имѣніе; но большая часть онаго уже была спасена, потому что при самомъ началѣ Передовщиковъ, зная всѣ свои плутни и ожидая, что ему придется заплатить похищенныя у казны суммы, умѣлъ сокрыть значительнѣйшіе изъ своихъ капиталовъ и нѣкоторыя недвижимыя имущества, какъ напримѣръ дома и дачи, переписать на имя жены. И такъ это важное дѣло находилось теперь въ Сенатѣ, а при прибытіи моемъ въ Петербургъ, въ 1809 году, враги мои были неизчислимы. Всѣ были противъ меня, между прочимъ и тайный совѣтникъ Сперанскій, бывшій въ послѣдствіи моимъ преемникомъ. Нельзя себѣ вообразить, какіе ужасы разглашали о моемъ управленіи въ Сибири и особенно объ Иркутскомъ губернаторѣ Трескинѣ, такъ какъ онъ по должности своей имѣлъ главное участіе въ безпристрастномъ изслѣдованіи и совѣстливомъ рѣшеніи сего дѣла.

Слѣдствіемъ сей общей ненависти противъ меня и Трескина было то, что всѣ мои представленія, даже самыя общеполезнѣйшія и прямо ко благу Сибири относящіяся, были опровергнуты, перетолкованы и представлены въ ложномъ видѣ, и я не могъ ничего сдѣлать для пользы несчастной Сибири, не могъ достичь и того, чтобы достойнѣйшіе изъ моихъ подчиненныхъ были награждены, а гнуснѣйшіе плуты Сибири наказаны. Пусть вообразятъ себѣ мое положеніе! Кто могъ мнѣ помочь и что̀ могъ я сдѣлать? Не долженъ-ли былъ я опасаться того, чтобы вмѣсто полученія награды подвергнуться еще униженію и посрамленію? Многочисленныя страданія и оскорбленія, которыя я претерпѣлъ во время моей службы генералъ-губернаторомъ, безсомнѣнно сократили мою жизнь многими годами и преждевременно ослабили физическія мои силы. Я теперь еще содрогаюсь, когда вспоминаю все, что̀ долженъ былъ претерпѣть! Когда бъ я не былъ Христіаниномъ (въ этомъ званіи соединяю я всѣ обязанности чести и чистой совѣсти), то взялъ бы съ Куткина и съ Передовщикова по нѣсколько сотенъ тысячь, участвовалъ-бы въ выгодахъ Хвостова и К., былъ бы милліонеромъ, пріобрѣлъ бы значительныхъ покровителей, имѣлъ бы во всѣхъ канцеляріяхъ помощниковъ и соучастниковъ; а ежели бы подпалъ подъ отвѣтственность, то сильные мои защитники меня бы выручили: я былъ бы осыпанъ почестями и богатствомъ и плутомъ жилъ бы беззаботно. Что̀ же теперь вышло? Я обнищалъ. Враги мои, значительнѣйшіе люди въ государствѣ, безчисленны, и я страдаю физически и морально, безъ всякихъ видовъ въ будущности для меня и послѣ меня для моей бѣдной жены и для моей несчастной дочери, которой даже не могу доставить никакихъ учителей. Что̀ же мнѣ остается? Все, что̀ дѣлаетъ истинно счастливымъ, все, чего у меня никакая власть отнять не можетъ: чистая совѣсть и убѣжденіе, что могу однажды предстать предъ судилищемъ Всемогущаго, предъ которымъ мы всѣ, отъ Монарха до поденщика, равныя права имѣемъ, и осмѣлюсь сказать: „Я поступилъ, Всевѣдущій, сообразно Твоимъ законамъ; пріемли меня съ милосердіемъ, прости меня, ежели я ошибся, я дѣйствовалъ по совѣсти!“ Вотъ въ чемъ состоятъ мое спокойствіе и мое счастіе.

Чтобы заключить гнусную исторію Передовщикова, опишу кратко ея конецъ. Сенатъ занимался нѣсколько лѣтъ этимъ дѣломъ. Въ 5-мъ департаментѣ мнѣнія были раздѣлены: нѣкоторые хотѣли этого негодяя оправдать, другіе осуждали его. Дѣло пошло въ общее собраніе. Императоръ приказалъ, чтобы я засѣдалъ при выслушаніи онаго, такъ какъ я былъ сенаторомъ; и хотя бы я и не былъ онымъ, то все же имѣлъ право засѣдать въ Сенатѣ по дѣламъ ввѣренныхъ мнѣ губерній. Но я не хотѣлъ пользоваться этимъ правомъ: я исполнилъ свой долгъ, какъ генералъ-губернаторъ, а впрочемъ нисколько не домогался погибели Передовщикова. И такъ я былъ намѣренъ не являться въ Сенатъ, когда это дѣло будетъ въ немъ разсматриваться. Это сказалъ я Монарху; но мнѣ было повелѣно высочайшимъ приказомъ присутствовать при выслушаніи

сего дѣла. Когда оно было читано въ общемъ собраніи, то туда явились только немногіе изъ министровъ, хотя всѣ они должны бы были присутствовать. Всѣ были противъ меня. 80 сенаторовъ находились тутъ, и сколько помню, то только 3 или 4 были согласны со мною и подтвердили опредѣленіе Иркутской Уголовной Палаты; прочіе же всѣ хотѣли его измѣнить, а нѣкоторые полагали даже Передовщикова совсѣмъ оправдать, а Уголовной Палатѣ наложить еще штрафъ за излишнюю строгость приговора. Между сими послѣдними находились по большей части тѣ сенаторы, которые почитались вообще самыми знающими въ дѣлахъ! Это происходило, разумѣется, отъ тѣхъ причинъ, которыя я выше въ своемъ мѣстѣ изъяснилъ. При томъ долженъ я еще прибавить, что молодая красивая жена Передовщикова находилась въ связи съ однимъ вельможею, который имѣлъ большой вѣсъ при Дворѣ чрезъ свою супругу. Къ сей послѣдней обратилась жена Передовщикова, и Государя просили убѣдительно защитить Передовщикова отъ преслѣдованій моихъ и губернатора Трескина. Имѣніе, которое Передовщиковъ передалъ женѣ своей, для освобожденія отъ взятія въ казну, давало ей средства подкупать судей и дѣлопроизводителей въ Сенатѣ. Это удалось совершенно, и всѣ держали сторону ея мужа. Наконецъ всѣ различныя мнѣнія сенаторовъ и рѣшеніе Сената, клонящееся по большинству голосовъ къ оправданію Передовщикова, были поднесены Государю. Съ твердостію, достойною его великаго духа, не обращая никакого вниманія на ходатайство, покровительство и всѣ старанія въ Сенатѣ дать дѣлу ложный оборотъ, Монархъ утвердилъ мое мнѣніе и опредѣленіе Иркутской Уголовной Палаты, и Передовщиковъ былъ сосланъ на работу въ Нерчинскія рудокопни. При томъ Государь сдѣлалъ строгій выговоръ тѣмъ сенаторамъ, которые старались оправдать Передовщикова и которыхъ мнѣніе въ этомъ смыслѣ содержало выраженія обидныя и для меня и для Трескина. Безъ сомнѣнія этотъ актъ справедливости приноситъ много чести государю Александру, потому что мнѣ извѣстно, сколько употреблено было происковъ и стараній со всѣхъ сторонъ, которыя болѣе всего могли имѣть на него вліяніе, чтобы склонить его въ пользу Передовщикова. Должно замѣтить, что это былъ самый первый примѣръ въ нашемъ Отечествѣ, чтобы откупщикъ былъ наказанъ за лихоимство въ 600,000, и еще такъ строго наказанъ. Это могло послужить къ спасенію многимъ несчастнымъ, которые чрезъ такую безнаказанность столь значительныхъ похищеній могли увлечься къ подобнымъ поступкамъ и впасть въ бѣдствіе, такъ какъ они думали, что ежели большое воровство можетъ быть оправдано, то малое еще легче.

Какъ справедлива Нѣмецкая пословица: „Kleine Diebe fängt man und grosse lässt man laufen“ (За малое воровство вѣшаютъ, а за большое выпускаютъ). Въ продолженіе моего 14 лѣтняго управленія тремя Сибирскими губерніями, не знаю ни одного примѣра, чтобы кто нибудь былъ сосланъ за 100,000 руб., а напротивъ того много людей находилось въ ссылкѣ за похищеніе 500 р., 1000 р. и тому подобныхъ малозначущихъ суммъ. Однакоже и великія суммы бы-

ваютъ похищены. Кто въ Россіи живетъ и ее знаетъ, тотъ конечно въ этомъ не усумнится. Я люблю мое Отечество, и мнѣ больно, что я долженъ это сказать; но истина этого требуетъ. Этотъ примѣръ навлекъ на меня преслѣдованіе общей ненависти, такъ какъ я былъ для многихъ препятствіемъ въ ихъ нечистыхъ и корыстолюбивыхъ намѣреніяхъ. Чѣмъ болѣе я это чувствовалъ на каждомъ шагу, чѣмъ болѣе мнѣ со всѣхъ сторонъ причиняемо было затрудненій въ учрежденіяхъ самыхъ полезныхъ для истиннаго блага Сибири, тѣмъ болѣе я долженъ былъ думать о томъ, какимъ образомъ удалиться мнѣ изъ Сибири и освободиться отъ должности тамошняго генералъ-губернатора.

Когда я прибылъ въ Тобольскъ, то послалъ тотчасъ отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и представлялъ ему всѣ причины, которыя требовали моего присутствія въ Петербургѣ для того, чтобы я могъ сдѣлать многія предложенія, касающіяся къ пользѣ ввѣренныхъ мнѣ губерній и которыя не могли быть утверждены безъ точнаго изслѣдованія; но чтобы эти проэкты могли быть обозрѣны съ настоящей точки зрѣнія, необходимо было, чтобы я могъ лично объясниться на счетъ ихъ съ министрами. Это написалъ я отчасти потому, что оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было, отчасти также и для того, чтобы тѣмъ настоятельнѣе домогаться позволенія пріѣхать въ Петербургъ: ибо послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Сибири, послѣ того, что я 22000 верстъ объѣздилъ во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ и подробно освѣдомлялся о всемъ, что могло клониться къ пользѣ Сибири, былъ я въ состояніи судить о семъ краѣ. Я былъ на границѣ Китая и во время моего пребыванія въ Маймачинѣ (Китайскомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ производится важнѣйшая торговля съ Россіею и Сибирью) имѣлъ много переговоровъ съ Китайскими пограничными правителями и купцами, узналъ ихъ настоящее и пріобрѣлъ ясное понятіе о ихъ свойствахъ и расположеніи къ Россіи. Я проѣхалъ по Иртышской линіи, граничащей съ Киргизскою степью, отъ одного конца до другаго, обсудилъ всѣ выгоды, которыя можно было извлечь для Россіи изъ сношеній съ Китайцами и Киргизами; я ознакомился съ Монголами и другими кочевыми народами Сибири, посѣщалъ Колыванскія рудокопни; однимъ словомъ, я только тамъ не былъ, гдѣ проѣздъ былъ не возможенъ или потребовалъ-бы болѣе года времени, безъ доставленія настоящей пользы. Снабженный этимъ познаніемъ Сибири, которое было не только теоретическое, но и практическое, такъ какъ я во всемъ нужномъ удостовѣрялся собственными глазами, могъ я смѣло предстать съ моимъ планомъ для Сибири, который началъ въ Иркутскѣ, а кончилъ по возвращеніи моемъ въ Тобольскъ, и пересмотрѣлъ со всѣми тремя губернаторами и еще болѣе съ другими знающими изъ старинныхъ жителей Сибири, и который былъ теперь готовъ. Главнѣйшія измѣненія предлагаемаго мною для пользы Сибири заключались въ новой инструкціи для генералъ-губернатора, которую я имѣлъ намѣреніе представить Государю. Мое прошеніе къ Государю на счетъ прибытія моего въ Петербургъ послалъ я къ графу Кочубею, но

получилъ съ необыкновенною поспѣшностію отвѣтъ, что я могу мой проэктъ прислать, но самъ не долженъ пріѣзжать въ Петербургъ, потому что мое присутствіе въ Сибири могло быть полезнѣе, нежели въ Петербургѣ. Можно себѣ представить, какъ меня этотъ отвѣтъ огорчилъ, ибо въ Сибири оставаться становилось для меня со дня на день опаснѣе. Послать мой планъ безъ меня было столь же опасно, ибо онъ попалъ бы въ руки министровъ, которые бы, по обыкновенному порядку дѣлъ у министровъ, отдали бы его на разсмотрѣніе каждый въ свой департаментъ: тамъ бы мои бумаги находились въ рукахъ моихъ величайшихъ враговъ, канцелярскихъ чиновниковъ въ министерскихъ департаментахъ; они бы увидѣли, какія ограниченія ихъ доходовъ содержалъ мой планъ, и я долженъ былъ ожидать, что отчасти по этой причинѣ, отчасти для того, чтобы имъ отъ меня избавиться, мой планъ будетъ погубленъ, ложно перетолкованъ и наконецъ, вмѣсто того, чтобы принести пользу, послужитъ еще орудіемъ къ моему паденію. И такъ я рѣшился, для предупрежденія всего сего, не посылать моего плана и дождаться благопріятнаго времени, чтобы освободиться изъ Сибири; рѣшился непремѣнно избѣжать этой службы въ Сибири. Тоже было и въ отношеніи моихъ вѣрнѣйшихъ и надежнѣйшихъ подчиненныхъ. Нѣкоторые тотчасъ же вышли въ отставку и покинули Сибирь, другіе хотѣли оставить ее вмѣстѣ со мною. Губернаторы Трескинъ и Фонъ-Бринъ подали мнѣ прошенія объ отставкѣ изъ Сибири, безъ означенія числа, чтобы я далъ имъ ходъ, когда самъ найду то для нихъ полезнѣе.

Въ этомъ стѣснительномъ положеніи я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ. Начальникомъ войска въ Сибири былъ генералъ-маіоръ Николай Ивановичь Лавровъ, человѣкъ честный, съ которымъ я очень хорошо сошелся и который держалъ себя совершенно согласно съ инструкціею, посылалъ мнѣ рапорты и считалъ себя за подчиненнаго мнѣ. Онъ былъ переведенъ въ армію, и на его мѣсто поступилъ генералъ-лейтенантъ Григорій Ивановичь Глазенапъ, человѣкъ властолюбивый, очень ограниченнаго ума, но съ великою гордостію, который самъ ничего не дѣлалъ, кромѣ того, чего желали и требовали его подчиненные. Онъ объявилъ, что не обязанъ меня ни въ чемъ слушаться, и не только не посылалъ мнѣ никакихъ рапортовъ, но не принималъ отъ меня никакихъ предписаній. Я никогда не пользовался моимъ правомъ посылать приказы корпуснымъ командирамъ, а всегда писалъ письма въ отвѣтъ на рапорты, присылаемые мнѣ Лавровымъ, и Лавровъ умѣлъ цѣнить мое деликатное обхожденіе, а Глазенапъ напротивъ. Въ инструкціи, конечно, не сказано было, чтобы корпусный командиръ стоялъ подъ моимъ начальствомъ; но въ ней было написано, что всѣ морскія и сухопутныя войска должны находиться подъ властію генералъ-губернатора. Изъ этихъ отношеній съ Глазенапомъ произошли несогласія, потому что его подчиненные, которые водили имъ, видѣли, что не могутъ привести въ исполненіе свои корыстолюбивые и на лихоимствѣ основанные планы, ежели я буду ихъ главный началь-

никъ; съ Глазенапомъ же имъ все было можно. Адъютантъ Глазенапа нѣсколько разъ ѣздилъ съ лошадьми и другими подарками въ Петербургъ, и тамъ поддерживали Глазенапа противъ меня, а мнѣ старались сдѣлать славу несноснаго и безпокойнаго человѣка. Такимъ образомъ и департаментъ военнаго министра былъ возстановленъ противъ меня, и я пріобрѣлъ еще одного сильнаго врага.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ я получилъ чрезъ графа Кочубея отказъ въ позволеніи пріѣхать въ Петербургъ, вмѣсто него сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Немедленно послалъ я сему послѣднему вторично бумагу, въ которой просилъ, чтобы меня призвали въ Петербургъ по дѣламъ Сибири. Прошеніе мое было слово въ слово такое-же, какое я нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ послалъ графу Кочубею. Вслѣдствіе всѣхъ выше подробно описанныхъ причинъ, имѣлъ я поводъ полагать, что графъ Кочубей не хотѣлъ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ, и слишкомъ скоро послѣдовавшій отказъ возбуждалъ во мнѣ подозрѣніе, что онъ отказалъ мнѣ, не представивъ моего прошенія Государю. Князь Куракинъ донесъ Монарху о моемъ желаніи, и въ Декабрѣ 1808 года получилъ я повелѣніе прибыть въ Петербургъ, чтобы представить мою инструкцію на разсмотрѣніе. Нельзя себѣ вообразить, какую радость причинило мнѣ сіе позволеніе! Возвращенный изъ ссылки не можетъ болѣе восхищаться, какъ я.

Я сдѣлалъ новыя распоряженія относительно управленія трехъ губерній, далъ губернаторамъ нужную власть черезъ передачу собственныхъ моихъ правъ и т. под., будучи на то уполномоченъ генералъ-губернаторской инструкціей. О всѣхъ этихъ моихъ распоряженіяхъ донесъ я Сенату и сообщилъ министру полиціи и внутреннихъ дѣлъ. И такъ Сенатъ и министръ должны бы были меня остановить тотчасъ при полученіи посланнаго мною распоряженія. Этого не случилось; слѣдственно я не имѣлъ причины ожидать, чтобы эти же самыя распоряженія сочтены были мнѣ за вину 14 лѣтъ послѣ того, какъ это послѣдствіе доказало.

Въ Февралѣ 1809 года прибылъ я въ Петербургъ и тотчасъ же сдѣлалъ визиты всѣмъ министрамъ и значительнѣйшимъ людямъ столицы. Всѣ, безъ исключенія, приняли меня съ уваженіемъ, должнымъ генералъ-губернатору; но впрочемъ я видѣлъ очень ясно, что ни на кого изъ нихъ не могъ я положиться, что ни одинъ изъ нихъ меня не поддержитъ и что мнѣ нечего хорошаго ожидать. Вообще мнѣніе было, что я человѣкъ суровый, жестокій, властолюбивый и безпокойный. Нѣкоторые друзья мои, имѣвшіе однакоже мало вѣсу при Дворѣ, подтвердили мнѣ точно тоже, что̀ я своими глазами видѣлъ. Всѣ канцеляріи Сената и министровъ были основателями этого вреднаго обо мнѣ мнѣнія и начали теперь всѣми силами стараться меня погубить. И такъ я принялъ непоколебимое намѣреніе ни подъ какимъ условіемъ не возвращаться въ Сибирь, хотя бы мнѣ должно было совсѣмъ оставить службу, не имѣвъ насущнаго хлѣба.

Я представлялся государю Александру 1-му въ его кабинетѣ. Прежде нежели тогдашній оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой ввелъ меня туда, сказалъ онъ мнѣ: „Будьте откровенны съ Государемъ, не скрывайте ничего отъ него; онъ ничего такъ не любитъ, какъ довѣренность, и о васъ онъ имѣетъ самое выгодное мнѣніе“. Я выслушалъ слова графа Толстаго, какъ слова человѣка придворнаго, на которыя нельзя полагаться. Я вошелъ въ кабинетъ Монарха. Можно себѣ представить, съ какими чувствами! Я зналъ свое положеніе и зналъ тоже Государя. Монархъ подошелъ ко мнѣ съ отверстыми объятіями, поцѣловалъ меня нѣсколько разъ, какъ будто онъ своего величайшаго и драгоцѣннѣйшаго друга держалъ въ своихъ объятіяхъ. Я былъ пораженъ, но не смущенъ, потому что чистая совѣсть внушала мнѣ всепревышающую твердость духа. Здѣсь стоялъ честный человѣкъ (я могу это сказать съ спокойною совѣстію) съ убѣжденіемъ, что Богъ выше всего, что предъ Нимъ, Всемогущимъ, Монархъ и я никакого другаго преимущества не имѣемъ одинъ предъ другимъ, какъ наши душевныя свойства. Съ твердостію и чистосердечіемъ, не скрывая ничего, кратко, но убѣдительно отдалъ я отчетъ въ моемъ управленіи и удостоился самыхъ лестныхъ изъявленій благодарности Монарха. Такъ какъ я во всю жизнь мою ни на минуту не забывалъ, что благоволеніе государей бываетъ ненадежно и также скоро проходитъ, какъ и приходитъ, то я и воспользовался этимъ благопріятнымъ мгновеніемъ, чтобы представить Императору многія изъ моихъ затрудненій, препятствій и тому под., не называя однако же никого: потому что я поставилъ себѣ за непоколебимое правило никогда никого не обвинять иначе какъ открыто, чтобы обвиняемый мною имѣлъ бы средства оправдаться. Проницательный Государь понялъ меня и сказалъ: „Требую отъ васъ, чтобы вы ни съ кѣмъ не имѣли бы дѣла на счетъ вашего управленія въ Сибири, кромѣ со мною, безъ всякаго посредничества“. Тутъ объявилъ я, что мои физическія силы не позволяютъ мнѣ болѣе служить въ Сибири, гдѣ климатъ мнѣ такъ вреденъ, что мнѣ пришлося бы тамъ въ короткое время лишиться жизни. Я долженъ былъ обѣщать прямо, безъ всякаго посредничества, представлять Государю всѣ мои распоряженія къ пользѣ Сибири. Рѣшено было, что всякій разъ, когда почту за нужное о чемъ нибудь донести Монарху, то доставлю ему, чрезъ дежурнаго камердинера, запечатанную записку, и что тогда Государь немедленно назначитъ мнѣ время, когда онъ можетъ принять меня въ своемъ кабинетѣ на единѣ. Это былъ первый мой разговоръ съ Императоромъ. Конца-не было изъявленіямъ благоволенія и одобренія моего образа службы, моего знанія дѣла и проч., и во всемъ городѣ говорили о великой милости Государя ко мнѣ. Все это было, разумѣется, новымъ и важнымъ побужденіемъ министрамъ и другимъ лицамъ еще болѣе ненавидѣть меня и какъ можно скорѣе сломать шею новому любимцу Монарха. Я былъ приглашаемъ къ обѣду во дворецъ, каждый разъ, когда было тамъ небольшое общество. Не было празднества, на которомъ бы я не долженъ былъ явиться, и все вниманіе, кото-

рое оказывается только тѣмъ, кого хотятъ отличить, было мнѣ расточаемо. Я получилъ позволеніе (которымъ пользовались только нѣкоторые изъ министровъ) пріѣзжать, когда хочу, безъ приглашенія, на ежедневные малые обѣды Монарха. Я былъ въ числѣ приглашаемыхъ на вечернія собранія императрицы Елизаветы, которыя составлялись съ строгимъ выборомъ. Не могу припомнить всѣхъ предпочтеній и отличій, оказываемыхъ мнѣ тогда. Но все это не вскружило мнѣ головы, ибо я зналъ истинную цѣну этихъ вещей и непостоянство людей, а тѣмъ болѣе государей, а также всѣ происки и опасности, которымъ подвержена жизнь при Дворѣ. Я предвидѣлъ, какую глубокую бездну между тѣмъ враги мои готовили для моего паденія. Это убѣжденіе дѣлало меня, разумѣется, очень осторожнымъ во всѣхъ моихъ поступкахъ, во всѣхъ моихъ письменныхъ и словесныхъ объясненіяхъ: прежде нежели отправить какую нибудь бумагу къ ея мѣсту, я передумывалъ ее сто разъ, чтобы не дать моимъ многочисленнымъ врагамъ поводу нападать на меня. Доказательствомъ тому, какъ трудно имъ было найти что нибудь порицательнаго во мнѣ, можетъ служить то, что я 14 лѣтъ постоянно оставался въ довѣріи у-подозрительнаго Монарха, и никому не удалось мнѣ повредить. Мое пребываніе въ Петербургѣ было для меня истиннымъ мученіемъ, и конечно былъ я самый несчастный человѣкъ, какого можно себѣ представить. Когда стали въ Сенатѣ разсматривать вышеупомянутыя дѣла Передовщикова, Хвостова, К-ва, Куткина, Сибирякова и другія подобныя, которыя всѣ имѣли цѣлію введеніе порядка и благоустройства въ трехъ ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ: то, не смотря на всѣ домогательства, не могли ни въ чемъ меня обвинить, и это еще болѣе увеличило ненависть моихъ враговъ и противниковъ и ихъ желаніе меня погубить.

Между тѣмъ довѣріе Монарха ко мнѣ возрастало, и я получилъ отъ него много особенныхъ порученій, не касающихся до моего поста. Между прочимъ былъ назначенъ комитетъ для розысканія причинъ, почему кончавшійся тогда откупъ составлялъ долгъ откупщиковъ въ 15 милліоновъ. Государь, по собственному побужденію, самъ избралъ меня въ члены сего комитета, къ великой досадѣ всѣхъ прочихъ сочленовъ, и сказалъ мнѣ слѣдующее: „Я васъ избралъ членомъ сего комитета, зная вашу правоту и обширныя познанія по сей части. Вы тутъ членъ съ моей стороны. Не опасайтесь ничего и надѣйтесь твердо на меня“. Комитетъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ особъ: предсѣдателя—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса князя Лопухина, графа Кочубея, министра финансовъ Гурьева, Василія Степановича Попова и меня. Въ этомъ комитетѣ, послѣ долгаго разсужденія объ отчетахъ министра финансовъ, доказалъ я по сему предмету: во 1-хъ, что причиною такой значительной недоимки было ничто другое, какъ условія самаго откупа, которыя содержали такое удобство къ обману для откупщиковъ, что послѣдствія онаго должны быть очень невыгодны для казны; во 2-хъ, что какъ министръ финансовъ, такъ

и Сенатъ не имѣли права допустить недоимочную сумму до такого возрастанія, такъ какъ они могли видѣть, что залоги не составляли и половины цѣны того долга, который они должны были обезпечить. Ежели бы взяли назадъ откупъ у откупщиковъ, какъ скоро недоимки достигли половины цѣны залоговъ, то казна бы ничего не потеряла, и эта мѣра была бы совершенно согласна съ условіями откупа. Прежде нежели внести мое мнѣніе въ комитетъ, я прочелъ его князю Лопухину, графу Кочубею и Попову. Всѣ они совершенно согласились со мною. Однакоже, когда я прочелъ бумагу въ полномъ собраніи комитета, то графъ Кочубей первый уговаривалъ меня взять ее назадъ, князь Лопухинъ тоже совѣтывалъ; но я требовалъ, чтобы эти господа оффиціально отдали ее мнѣ и составили бы журналъ въ комитетѣ, съ означеніемъ этого возвращенія. Этого они не хотѣли, и я не взялъ моей бумаги назадъ. Тогда Гурьевъ потребовалъ, чтобы ему отдали мою бумагу, для того чтобы онъ могъ написать на нее возраженіе, для своего оправданія. Я на это согласился и сказалъ, что ежели министръ финансовъ докажетъ мнѣ, что я ошибся въ какомъ нибудь пунктѣ моей бумаги, то я съ радостію въ этомъ сознаюсь и откажусь отъ своего мнѣнія. Чрезъ нѣсколько недѣль мы опять собрались, и возраженіе Гурьева было читано. Выслушавъ его, я объявилъ, что нахожу, что ни одинъ пунктъ моей бумаги не опровергнутъ и что многое въ самомъ возраженіи еще болѣе придаетъ силы моему мнѣнію и моей бумагѣ. Посему просилъ я, чтобы мнѣ отдали бумагу Гурьева, для возраженія съ моей стороны, потому что я имѣлъ такое же право этого требовать, какъ онъ, и такъ нельзя было бы мнѣ въ этомъ отказать, когда тоже самое дозволили Гурьеву. Но господа комитета всѣ воскликнули, что такая переписка между мною и Гурьевымъ не имѣла бы конца и отказали мнѣ рѣшительно. Я заставилъ записать въ журналъ этого засѣданія, что я хотѣлъ возраженіе Гурьева опровергнуть до основанія, но что комитетъ мнѣ этого не позволилъ. Очень сомнѣваюсь, чтобы Государь все это прочелъ; но знаю, что всѣ эти бумаги были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и слѣдствіемъ того было, что всѣ условія къ новому откупу, помѣщенныя мною въ той бумагѣ, которую Гурьевъ опровергалъ, были буквально и безъ всякаго измѣненія приняты и утверждены Государемъ. По этимъ условіямъ новый откупъ былъ отданъ на 4 года другимъ откупщикамъ, и въ эти 4 года не было ни копѣйки недоимки, и казна получила причитающіеся ей 60 милліоновъ правильно и безъ остановки при концѣ 4-хъ лѣтъ, чего еще не было во все существованіе откуповъ, въ теченіе 90 лѣтъ. Комитетъ этотъ былъ распущенъ по окончаніи этихъ дѣлъ, и члены онаго были награждены слѣдующимъ образомъ: князь Лопухинъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса, графъ Кочубей и Гурьевъ получили орденъ Владиміра 1-й степени, а Поповъ табакерку съ портретомъ Императора, украшенную алмазами, а я—не получилъ ничего, даже никакой благодарности.

Доказательствомъ того, что Государь былъ доволенъ моимъ поведеніемъ въ этомъ комитетѣ служитъ то, что, пока Его Величе-

ство былъ въ арміи, учрежденъ былъ въ Сенатѣ второй комитетъ для изслѣдованія откупнаго управленія и накопившихся въ немъ недоимокъ въ каждой губерніи во всемъ государствѣ. Этотъ комитетъ состоялъ изъ трехъ сенаторовъ: Донаурова, князя Сергѣя Салтыкова и Захарова. Государь возвратился изъ арміи и, увидя, изъ какихъ членовъ составленъ этотъ комитетъ, сказалъ Аракчееву: „Почему Пестеля нѣтъ въ семъ комитетѣ? Его не жалуютъ они. Скажите, что я Пестеля туда назначаю, какъ облеченнаго моею довѣренностію.“ И я сдѣлался членомъ сего комитета. Вступивъ въ него, нашелъ я, что factotum этого комитета былъ сенаторъ Захаровъ, человѣкъ корыстолюбивый, покровительствующій плутамъ между откупщиками и находящій посему свою выгоду въ томъ, чтобы какъ можно долѣе продлить существованіе этого комитета, для того чтобы болѣе брать съ откупщиковъ. Этотъ Захаровъ уже 18 дѣлъ отослалъ въ губерніи, для новаго переизслѣдованія, безъ всякой достаточной причины къ тому. Онъ хотѣлъ далѣе слѣдовать такимъ образомъ своему плану; но я сильно воспротивился этому, и нѣсколько дѣлъ были рѣшены, хотя съ великою медленностію. Однажды Государь спросилъ меня: какъ я думаю, во сколько времени нашъ комитетъ кончитъ свои дѣла? Я отвѣчалъ, что не прежде, какъ въ десять лѣтъ, ежели дѣла будутъ производиться по принятому до меня правилу. „Что же тутъ дѣлать?“ спросилъ Государь. Я отвѣчалъ: „Прикажите, Ваше Величество, чтобы мы въ три мѣсяца всѣ эти дѣла кончили“. Это повелѣніе послѣдовало, и въ два мѣсяца мы все кончили. И тутъ я не получилъ даже благодарности. Въ моихъ засѣданіяхъ въ Сенатѣ, какъ генералъ-губернаторъ Сибири, имѣлъ я много прѣній съ моими товарищами, которые отчасти хотѣли быть несправедливы, отчасти по недостатку знанія держались мнѣнія секретарей, которые объясняли имъ дѣла по своему произволу, и это умножало число моихъ враговъ и противниковъ.

Когда Государь въ 1814 году отъѣзжалъ въ армію, я былъ у него. Онъ былъ чрезвычайно милостивъ ко мнѣ, приказалъ мнѣ въ моихъ нуждахъ прямо обращаться къ нему, и когда я сталъ съ нимъ прощаться, онъ обнялъ меня и сказалъ: „Прикажите Оленину (который былъ тогда исполняющимъ должность государственнаго секретаря, такъ какъ Сперанскій былъ тогда отставленъ и сосланъ) „прикажите Оленину напомнить мнѣ, чтобы васъ сдѣлать членомъ Государственнаго Совѣта.“ На другой день сообщилъ я Оленину милостивое повелѣніе Государя. Онъ поднесъ его Монарху. Его Величеству не понравилось, что я сдѣлалъ это письменно, и я только чрезъ два года, т. е. въ 1816 г. былъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Императоръ уѣхалъ. Въ его отсутствіи получилъ я донесенія, которыя меня принудили просить, объ отставкѣ Иркутскаго вице-губернатора ст. совѣтника Левицкаго (такъ какъ онъ по Иркутскимъ виннымъ откупамъ дѣлалъ ужаснѣйшія распоряженія въ Казенной Палатѣ къ убытку казнѣ и не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго послушанія, полагаясь на покровительство Гурьева, моего величайшаго врага). Я написалъ Монарху и представилъ ему

все это дѣло, но не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, послѣ нѣсколько разъ возобновляемыхъ прошеній къ Государю, воспослѣдовало чрезъ графа Аракчеева (который былъ тогда особенно ко мнѣ расположенъ) высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ дѣла, касающіяся до Левицкаго, были разсмотрѣны въ особенномъ Сибирскомъ комитетѣ, въ которомъ я долженъ былъ быть членомъ. Этотъ комитетъ былъ составленъ изъ моихъ величайшихъ враговъ: графъ Кочубей былъ предсѣдатель, а члены были, по старшинству чина, я, баронъ Кампенгаузенъ (государственный контролеръ), князь Голицынъ, министръ просвѣщенія и Гурьевъ, котораго называю послѣднимъ, потому что онъ отказался отъ засѣданія въ этомъ комитетѣ. Директоромъ канцеляріи былъ назначенъ колежскій совѣтникъ (который теперь уже дѣйствительный статскій совѣтникъ) Михаиловъ, бывшій тогда директоромъ канцеляріи при баронѣ Кампенгаузенѣ. Онъ былъ подкупленъ приверженцами Левицкаго, и мои сочлены, зная великій кредитъ Гурьева и не доброжелательствуя мнѣ, дѣлали величайшія мнѣ привязки. Все было ведено къ пользѣ Левицкаго, но меня ни въ чемъ не могли обвинить. Важнѣйшее изъ дѣлъ, касающихся Левицкаго, было отложено до конца, ибо не было никакой возможности его оправдать, какъ этого ни желали. Этотъ комитетъ длился нѣсколько лѣтъ, и я не могъ, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, сдѣлать ему конецъ. Между тѣмъ кредитъ Гурьева сталъ упадать, и слухъ разнесся (не безъ основанія), что я буду вмѣсто него министромъ финансовъ. Тогда графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ со мною пересмотрѣть журналъ Сибирскаго комитета по дѣлу Левицкаго и узнать предварительно мое мнѣніе о немъ, чтобы окончить это дѣло по моему желанію. Я просилъ его назначить къ тому день. Вмѣсто того, когда Государь возвратился и кредитъ Гурьева очевидно поднялся, такъ что онъ даже получилъ Андреевскую ленту, то графъ Кочубей и другіе члены, баронъ Кампенгаузенъ и князь Голицынъ, подписали журналъ, по которому, сообразно желанію Гурьева, Левицкій былъ оправданъ, и вся его вина отнесена на счетъ Трескина, Иркутскаго губернатора. Графъ Кочубей взялъ отпускъ, для путешествія въ чужіе края и за нѣсколько дней до отъѣзда послалъ мнѣ для подписанія этотъ безсовѣстный журналъ. Я оставилъ его у себя, и въ послѣдствіи внесъ его съ моимъ возраженіемъ въ Комитетъ Министровъ, гдѣ онъ лежалъ нѣсколько лѣтъ и наконецъ отосланъ былъ въ Сенатъ. Первое явное доказательство, что мои враги повредили мнѣ въ мнѣніи Монарха, увидѣлъ я въ слѣдующемъ, Туруханскомъ дѣлѣ.

Въ Томской губерніи находится большой, совершенно необитаемый уѣздъ, по имени Туруханскій, состоящій по большой части изъ совершенно непроходимыхъ мѣстъ, дремучихъ лѣсовъ и болотъ и примыкающій къ Ледовитому морю. Въ этой обширной провинціи находятся кочевые народы, не имѣющіе никакого понятія о земледѣліи, невозможномъ въ такой безплодной землѣ, и потому не привыкшіе къ пищѣ, свойственной хлѣбопашцамъ: они имѣютъ даже нѣкоторое отвращеніе отъ печенаго хлѣба и только въ крайно-

сти рѣшаются смѣшать муку съ водою для питья. Эти народы съ самаго своего существованія всегда питались рыбною ловлею и охотою въ густыхъ лѣсахъ, и подати, платимыя ими казнѣ, состоятъ изъ шкуръ тѣхъ звѣрей, ловля которыхъ составляетъ ихъ единственное занятіе. Они отправляются на охоту на лыжахъ и отлучаются иногда на нѣсколько лѣтъ отъ тѣхъ странъ, гдѣ находится ихъ настоящее мѣстопребываніе, потому что по своей кочевой жизни они конечно не могутъ имѣть постояннаго жительства. Когда они, находясь въ дремучихъ лѣсахъ, претерпѣваютъ неудачу въ звѣриной ловлѣ, то многіе умираютъ отъ голода, а оставшіеся живыми съѣдаютъ ихъ тѣла. При моихъ предшественникахъ до ста и болѣе людей бывали найдены мертвыми или съѣденными своими товарищами. Каждый разъ число погибшихъ такимъ образомъ было означаемо въ мѣсячныхъ донесеніяхъ, и эти донесенія получалъ Сенатъ, а чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и самъ Государь.

При вступленіи моемъ въ должность генералъ-губернатора, принялъ я, для предупрежденія сего бѣдствія, всевозможныя мѣры, которыхъ исчислять здѣсь было бы слишкомъ долго, и наконецъ довелъ до того, что число погибшихъ вышеозначеннымъ образомъ ежегодно уменьшалось. При Томскомъ губернаторѣ фонъ-Бринѣ умерло не болѣе 56 человѣкъ, при Марченкѣ 42, при Илличевскомъ только 18. Каждый разъ тогдашній губернаторъ доносилъ о томъ Сенату, а я, какъ генералъ-губернаторъ, Государю. Каждый разъ эти донесенія принимались за извѣстія и оставались безъ всякихъ послѣдствій. Донесеніе же мое о 18 человѣкахъ, погибшихъ во время управленія Томскою губерніею губернаторомъ Илличевскимъ, было послано Государемъ тайно съ тѣмъ, чтобы я ничего о томъ не зналъ, генералъ-лейтенанту Глазенапу, начальствующему тогда надъ войскомъ въ Сибири и который по моей инструкціи долженъ былъ состоять, со всѣмъ ввѣреннымъ ему войскомъ, подъ моею командою, а теперь получилъ приказаніе произвести тайное слѣдствіе: отъ чего эти 18 человѣкъ погибли, и не виновато ли въ томъ мѣстное гражданское начальство [5]).

Разумѣется, Глазенапъ былъ очень радъ этому случаю мнѣ вредить. Онъ отправилъ съ тайными приказаніями отъ себя одного аудитора, котораго я нѣсколько разъ уже обличалъ въ лихоимствѣ и потому требовалъ отъ Глазенапа, чтобы онъ отдалъ его подъ судъ. И такъ этотъ человѣкъ находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы мнѣ вредить. Онъ произвелъ слѣдствіе, въ которомъ привелъ въ свидѣтели величайшихъ плутовъ между ссыльными, сочинилъ самые нелѣпые и лживые вымыслы и описалъ никогда небывалыя происшествія. Глазенапъ еще столько увеличилъ эти лживые вымыслы въ своемъ донесеніи къ Государю, что Монархъ выразился графу Аракчееву очень немилостиво на счетъ меня и моего управленія. Я написалъ Государю и просилъ позволенія явиться передъ нимъ, для оправданія себя въ вслѣдствіи, учиненномъ Глазенапомъ. Государь велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я ему письменно объяснилъ то,

[5]) Какъ видно въ этомъ человѣколюбивое сердце императора Александра Павловича. *П. Б.*

что̀ хочу сказать словесно, потому что вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія изъ Сибири я не могу имѣть никакихъ нужныхъ для него свѣдѣній. Это сказалъ мнѣ графъ Аракчеевъ отъ имени Государя 2 Апрѣля 1817 года. Я не успѣлъ еще подать никакой бумаги на сей счетъ, какъ 13 Апрѣля графъ Аракчеевъ пригласилъ меня къ себѣ и отъ имени Государя сказалъ мнѣ: „Такъ какъ по слѣдствію, произведенному Глазенапомъ на счетъ Туруханскихъ происшествій, мнѣ невозможно оставаться долѣе Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, то Государь приказалъ записать въ журналъ Комитета Министровъ слѣдующій именной указъ: Томскій губернаторъ Илличевскій отрѣшается отъ своей должности и отдается подъ судъ въ Сенатъ; а такъ какъ я чрезъ это дѣло лишился довѣрія Государя, то не могу болѣе оставаться генералъ-губернаторомъ, и вмѣсто меня назначается Глазенапъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири“. Аракчеевъ прибавилъ, что Государь оставляетъ меня членомъ Сената и сенаторомъ. Я отвѣчалъ съ твердостію: „Ежели я долженъ лишиться содержанія генералъ-губернатора, то мнѣ нечѣмъ жить въ столицѣ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, и мнѣ должно будетъ ходить пѣшкомъ въ Совѣтъ и Сенатъ. При томъ же я угнетенъ долгами, такъ какъ, будучи честнымъ человѣкомъ, ничего не пріобрѣлъ въ службѣ кромѣ долговъ и совершенно раззоренъ. Впрочемъ прошу разсудить: справедливо ли и достойно ли это нашего Государя, по одному только донесенію моего врага Глазенапа, о которомъ самъ Государь мнѣ часто говорилъ, что имѣетъ невыгодное мнѣніе на счетъ его правилъ честности, и что управленіе ввѣреннаго ему корпуса находится въ совершенномъ безпорядкѣ, справедливо ли, говорю я, по одному только одностороннему обвиненію подобнаго человѣка,—меня, который всегда служилъ съ честію и безкорыстіемъ, отставить съ такимъ унизительнымъ объявленіемъ самаго Монарха, не выслушавъ меня даже прежде и лишивъ меня такимъ образомъ всѣхъ средствъ къ оправданію?“ Я сказалъ все это съ такимъ жаромъ, что графъ Аракчеевъ былъ потрясенъ и просилъ меня успокоиться, прибавивъ: „Я еще не велѣлъ внести повелѣнія Монарха въ журналъ Комитета и представлю Государю ваше объясненіе“.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора послѣдовалъ высочайшій именной указъ Комитету Министровъ, чтобы всѣ присланныя отъ Глазенапа бумаги по Туруханскому дѣлу были отосланы ко мнѣ. Я ихъ получилъ и внесъ въ Комитетъ подробное и очень основательное опроверженіе на оныя. Дѣло это было разсмотрѣно въ Комитетѣ съ великою строгостію, и слѣдствіемъ того было, что не только я, но и губернаторъ Илличевскій были оправданы; но Комитетъ призналъ еще, что никогда никто изъ моихъ предшественниковъ не принималъ столь дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ противъ подобнаго злоупотребленія, какъ я это сдѣлалъ. Этотъ журналъ былъ поднесенъ Государю, который прочелъ его очень внимательно и наконецъ подписалъ его собствен-

норучно. Тѣмъ кончилось это дѣло, причинившее мнѣ столько огорченія и оскорбленій.

Послѣ этого просилъ я графа Аракчеева донести Государю, что я прошу освободить меня отъ должности генералъ-губернатора Сибири, и такъ какъ я, лишаясь при томъ всего содержанія, сопряженнаго съ этимъ постомъ, не могу безъ онаго жить на службѣ съ моимъ многочисленнымъ семействомъ, то прошу совсѣмъ меня отъ службы уволить. Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, увѣряя меня своею честію, что Государь имѣетъ такое выгодное мнѣніе обо мнѣ, какое бы онъ очень желалъ, чтобы Государь всегда о немъ имѣлъ. Я возразилъ, что не имѣю въ томъ никакого доказательства, а напротивъ того могу упомянуть о многихъ признакахъ противнаго, между прочимъ о томъ, что я едва не былъ безъ всякаго оправданія отставленъ отъ должности генералъ-губернатора и что ежели я неизбѣжно долженъ возвратиться къ моему посту Сибирскаго генералъ-губернатора, то прошу убѣдительно дать мнѣ ту инструкцію, о которой умоляю съ 1809 года и безъ которой я ни подъ какимъ условіемъ не возвращусь въ Сибирь. „Не помышляйте о возвращеніи туда“, сказалъ графъ Аракчеевъ. „Государь имѣетъ совсѣмъ другія намѣренія на вашъ счетъ. Онъ хочетъ васъ сдѣлать министромъ полиціи“ (что́ теперь внутреннихъ дѣлъ). Я отвѣчалъ: „Какой могу я быть министръ полиціи! Когда я теперь, будучи генералъ-губернаторомъ, не могу защитить трехъ губерній противъ моихъ враговъ, то какъ же могу я защитить 52?“ Онъ возразилъ: „Тогда все будетъ для васъ иначе, нежели теперь“.

Съ того времени не было уже болѣе рѣчи о министерствѣ полиціи для меня. Я остался генералъ-губернаторомъ со всѣми непріятностями, которыя имѣлъ я съ самаго вступленія моего въ сію должность до 22 Марта 1819 года, когда тайный совѣтникъ Сперанскій былъ назначенъ на мое мѣсто, а я остался членомъ Совѣта и сенаторомъ 1-го департамента Сената. Мое содержаніе тогда состояло: въ 3000 р. ассигн. сенаторскаго жалованья, 3000 р. пенсіи, полученной мною пожизненно въ 1801 году и 3000 р. столовыхъ, пожалованныхъ мнѣ въ 1804 году въ награжденіе за обревизованіе Казанской губерніи. Но я лишался 12000 р. генералъ-губернаторскаго жалованья и 6000 руб. для объѣзда губерній [6]).

Такъ какъ Сперанскій поступалъ на мое мѣсто съ повелѣніемъ произвести строжайшее слѣдствіе на счетъ меня и трехъ Сибирскихъ губернаторовъ, Тобольскаго, Томскаго и Иркутскаго, то я полагалъ, что долженъ спокойно дожидаться окончанія онаго, будучи убѣжденъ совѣстію своею, что ничего вреднаго не можетъ произойдти отъ сего слѣдствія; потому что я считалъ г. Сперанскаго совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели какъ онъ себя послѣ оказалъ.

Поводомъ къ моему удаленію и назначенію Сперанскаго было слѣдующее. Въ Иркутской губерніи жилъ уже 30 лѣтъ одинъ человѣкъ по имени Гарновскій, который былъ въ это время нѣ-

[6]) Читатели припомнятъ тогдашнюю страшную дороговизну. *П. Б.*

сколько разъ подъ уголовнымъ судомъ и три раза Сенатомъ отставленъ, какъ человѣкъ вредный для службы, съ тѣмъ, чтобы ни къ какой должности не былъ болѣе опредѣленъ. Не смотря на то, онъ, посредствомъ своего пронырливаго духа, всякій разъ находилъ опять средства ко вступленію въ казенную службу и такимъ образомъ былъ три раза снова опредѣленъ къ разнымъ должностямъ въ Иркутской губерніи. Когда я прибылъ въ Иркутскъ генералъ-губернаторомъ, этотъ низкій и опасный человѣкъ, истинная чума для всей губерніи, былъ надворнымъ совѣтникомъ и предсѣдателемъ Уголовной Палаты. Когда вышеописанное откупное дѣло Передовщикова было передано въ Уголовную Палату, то этотъ Гарновскій былъ главный покровитель Передовщикова, и у сего послѣдняго нашли просьбы, писанныя противъ меня и губернатора Трескина и къ оправданію гнусныхъ поступковъ Передовщикова. Эти просьбы были или поправлены рукою Гарновскаго или совершенно имъ написаны, и Передовщиковъ въ свою защиту нѣкоторыя изъ нихъ послалъ въ Петербургъ Государю, министру и Сенату; нѣкоторыя же подалъ въ Уголовную Палату, гдѣ Гарновскій былъ предсѣдателемъ. Это было первымъ поводомъ къ тому, что Гарновскій не могъ оставаться судьею въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ былъ самъ столь дѣятельнымъ стряпчимъ. По моему представленію былъ онъ отставленъ отъ мѣста предсѣдателя Уголовной Палаты и именнымъ указомъ отданъ подъ судъ въ Сенатъ, какъ человѣкъ опасный для Сибирскихъ губерній и нетерпимый ни въ какой казенной службѣ. Въ послѣдствіи времени, произнесенный надъ нимъ приговоръ Уголовной Палаты поступилъ въ Сенатъ, но остался въ немъ лежать безъ рѣшенія. Этотъ Гарновскій, отставленный такимъ образомъ въ 4-й разъ въ 1807 г. жилъ въ Иркутскѣ и въ своемъ имѣніи близъ сего города до 1809 года, не обнаруживая открыто своихъ происковъ. Однакожъ всѣмъ было извѣстно, что онъ покровительствовалъ всѣмъ недовольнымъ и подсудимымъ и писалъ для нихъ прошенія и другія бумаги, самыя лживыя и язвительныя. Этимъ онъ очень много нажилъ, такъ какъ всѣ, кому онъ писалъ бумаги, должны были платить ему значительныя суммы. Этотъ Гарновскій, съ перваго времени своего пребыванія въ Сибири (т. е. въ теченіи 30 лѣтъ), занимался ремесломъ стряпчаго за всѣхъ плутовъ въ Сибири и чрезъ то очень разбогатѣлъ и пріобрѣлъ себѣ пріятелей въ Петербургѣ, въ Сенатѣ и во всѣхъ канцеляріяхъ министровъ, которые вели съ нимъ постоянную переписку и покровительствовали не только ему, но всѣмъ тѣмъ, для кого онъ писалъ бумаги. Онъ же былъ въ большой дружбѣ съ Иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ; такъ какъ сей послѣдній былъ великій любитель выпить, то они проводили въ томъ вмѣстѣ цѣлыя недѣли. Разумѣется, что при такомъ архіереѣ большая часть священниковъ были преданы пьянству, которое вообще весьма обыкновенный порокъ въ Сибири. Эти священники обязаны были стараться о распространеніи христіанской религіи между Сибирскими идолопоклонниками. Вмѣсто того они разъѣзжали по губерніи и грабили эти же народы. Мнѣ и губернатору часто при-

носили жалобы на священниковъ. При слѣдствіяхъ возникали безпрестанныя распри между губернаторомъ и архіереемъ, который защищалъ пьяныхъ поповъ; а Гарновскій пользовался этими обстоятельствами, чтобы возбуждать архіерея противъ губернатора, и это ему такъ удалось, что преосвященный писалъ князю Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ, доносъ на губернатора Трескина. Но, чтобы этому доносу придать болѣе силы, послалъ Гарновскій подобный же министру юстиціи. Такъ какъ оба доноса были сочинены Гарновскимъ, то они разумѣется во всемъ согласовались. Эти обѣ ничтожныя бумаги, наполненныя ложными вымыслами, были внесены министромъ юстиціи и министромъ духовныхъ дѣлъ въ Комитетъ Министровъ; но Государь приказалъ препроводить ихъ предварительно на разсмотрѣніе ко мнѣ, какъ генералъ-губернатору. Мнѣ не трудно было ихъ разобрать и важнѣйшія статьи опровергнуть, такъ какъ въ моей канцеляріи находились многіе документы, могущіе служить къ опроверженію и оправданію противъ сихъ обвиненій. Что же касается до обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, то я поручилъ губернатору Трескину произвести оное, и когда у меня все было готово, то я послалъ это образцовое (какъ я по совѣсти могу его назвать) возраженіе въ Комитетъ Министровъ, сказавъ въ заключеніи моего донесенія, что „такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ не могу быть самъ судьею и обвиняемымъ, то прошу, чтобы Монархъ самъ избралъ надежнаго и его довѣренности достойнаго человѣка, который могъ бы на мѣстѣ удостовѣриться во всемъ томъ, что я помѣстилъ въ своемъ оправданіи“. Комитетъ Министровъ не могъ ничего найдти къ ослабленію, а тѣмъ менѣе къ опроверженію моего оправданія. „Хотя, такъ сказано въ резолюціи Комитета Министровъ, хотя генералъ-губернаторъ совершенно опровергъ доносъ Гарновскаго, однакожъ все бы лучше было послать двухъ сенаторовъ, чтобы произвести на мѣстѣ слѣдствіе въ Иркутской губерніи (до которой доносъ Гарновскаго только и относился); при семъ же случаѣ сенаторы могли бы обревизовать и другія двѣ губерніи Сибири, Тобольскую и Томскую, чтобы удостовѣриться, не окажутся ли въ нихъ какіе нибудь безпорядки, такъ какъ генералъ-губернаторъ столько лѣтъ не былъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ“. Нѣкоторые члены Комитета Министровъ, какъ то графъ Кочубей, графъ Гурьевъ, баронъ Кампенгаузенъ, князь Голицынъ, были того мнѣнія, чтобы мнѣ не оставаться болѣе генералъ-губернаторомъ, для того, чтобы облегчить сенаторамъ производство слѣдствія, такъ какъ многое могло не обнаруживаться изъ страха отъ генералъ-губернатора. Этотъ журналъ былъ отосланъ Государю на подтвержденіе и остался почти цѣлый годъ въ его кабинетѣ безъ всякаго рѣшенія. Между тѣмъ мои враги сильно дѣйствовали противъ меня, и хотя я нѣсколько разъ повторялъ Монарху мою просьбу о частной аудіенціи въ его кабинетѣ, подобно тому какъ я прежде столь часто и съ такимъ счастливымъ успѣхомъ ею пользовался, однакожъ никогда не получалъ отвѣта на столь часто повторяемую мою просьбу. Охотно бы подалъ я прошеніе о совершенной отставкѣ меня отъ службы,

чтобы не увеличивать ежегодно моихъ долговъ чрезъ пребываніе въ Петербургѣ; но, что̀ тутъ было дѣлать? Не приняли ль бы это за доказательство, что я боюсь слѣдствія? И такъ я долженъ былъ противъ воли оставаться въ покоѣ и съ терпѣніемъ ожидать моей судьбы.

Наконецъ, совсѣмъ неожиданно, вышелъ имянной указъ Государя Комитету Министровъ и Сенату отъ 22 Марта 1819 года, въ которомъ было сказано, что тогдашній Пензенскій губернаторъ тайный совѣтникъ Сперанскій назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Про меня не было упомянуто ни однимъ словомъ, такъ что послѣ этого указа я даже не зналъ, считаюсь ли еще на службѣ или исключенъ. Я отправился къ князю Лопухину, бывшему тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и спросилъ его: остаюсь ли я еще, послѣ сего указа, членомъ Государственнаго Совѣта и долженъ ли еще засѣдать въ Совѣтѣ и 1-мъ департаментѣ Сената, гдѣ былъ сенаторомъ? Онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого рѣшить, и посовѣтовалъ мнѣ сказаться больнымъ, для того чтобы не подвергаться оскорбленію отказа, когда пріѣду въ Совѣтъ или въ Сенатъ. Но я не послѣдовалъ его совѣту, чтобы не дать моимъ врагамъ случая объяснить мою отлучку отъ службы невыгодно для меня. Я ѣздилъ въ Совѣтъ, также какъ и прежде и продолжалъ мою службу какъ въ немъ, такъ и въ Сенатѣ, до той минуты, какъ я былъ отставленъ 26 Января 1822 года..

Теперь мнѣ еще менѣе можно было оставить службу, такъ какъ Сперанскій получилъ повелѣніе строжайше обревизовать ввѣренныя мнѣ прежде губерніи и обо всемъ донести Монарху. Поэтому мнѣ невозможно было удалиться отъ службы, чтобы не дать повода къ новымъ проискамъ моихъ враговъ и къ новымъ подозрѣніямъ. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ Государь обходился со мною благосклонно; я былъ приглашаемъ, какъ членъ Совѣта, на всѣ празднества, какъ къ Императору, такъ и къ Императрицамъ и ко всей императорской фамиліи. Каждый разъ, когда въ какомъ нибудь департаментѣ Государственнаго Совѣта не доставало члена, то Монархъ самъ избиралъ меня на его мѣсто, хотя были другіе члены, которыхъ можно бы было избрать. Такимъ образомъ я былъ однажды въ одно время въ трехъ департаментахъ: въ департаментѣ законовъ, гдѣ была моя настоящая должность и также въ департаментѣ финансовъ и въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ. Это доказываетъ, что Государь не сомнѣвался въ моихъ способностяхъ и въ моемъ усердіи къ службѣ. Въ эти два года многія изъ поданныхъ мною мнѣній, которыя не были согласны съ большинствомъ голосовъ въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта и даже нѣкоторыя, противъ которыхъ всѣ прочіе члены спорили, были утверждены Государемъ, и при томъ сказано было: „быть по мнѣнію, поданному отъ тайнаго совѣтника Пестеля“. Тоже самое было и послѣ моей отставки съ нѣкоторыми моими мнѣніями, которыхъ Государь еще не разсматривалъ во время моей службы.

Сперанскій отправился изъ Пензы въ Сибирь въ Іюнѣ. Я немедленно отослалъ мою канцелярію со всѣми бумагами въ Тобольскъ,

гдѣ она должна была ожидать прибытія Сперанскаго. 22 Марта вышелъ указъ о назначеніи его генералъ-губернаторомъ Сибири, а въ Апрѣлѣ уже вся моя канцелярія, со всѣми бумагами и чиновниками, отправилась изъ Петербурга, потому что я уже давно приготовлялся къ сдачѣ этой канцеляріи, такъ какъ уже давно предвидѣлъ мое удаленіе отъ мѣста Сибирскаго генералъ-губернатора, особливо послѣ происшествія при случаѣ вышеупомянутаго Туруханскаго дѣла.

Сперанскій, въ донесеніи, присланномъ къ Монарху, просилъ, чтобы мнѣ приказали отправить мою канцелярію въ трехъ отдѣленіяхъ, т. е. въ 1-мъ отдѣленіи самыя нужныя бумаги, во 2-мъ менѣе важныя, а въ 3-мъ архивъ. Графъ Аракчеевъ сообщилъ мнѣ повелѣніе Государя оффиціальнымъ письмомъ, и я могъ отвѣчать, что я уже все отослалъ, такъ что у меня ни одной бумаги не осталось, потому что за три недѣли до полученія письма графа Аракчеева все уже было мною отправлено. Сперанскій принялъ всѣхъ моихъ чиновниковъ очень ласково, но довѣренности своей удостоилъ только тѣхъ, которые были мною недовольны; а такъ какъ таковыхъ было только двое, въ числѣ коихъ особенно отличался директоръ канцеляріи Шкляревскій, то со всѣми прочими онъ обходился съ недовѣрчивостію. Когда онъ прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ своякъ мой фонъ-Бринъ былъ губернаторомъ, то увѣрялъ сего послѣдняго нѣсколько разъ, что считаетъ меня за одного изъ честнѣйшихъ и самыхъ знающихъ мужей въ государствѣ и увѣренъ, что все, что со мною случилось, произошло только отъ происковъ и недоброжелательства, но что онъ конечно докажетъ, что честные люди всегда бываютъ заодно, и потомъ просилъ его (т. е. Брина) совершенно успокоить меня. Брину сдѣлалъ онъ выгоднѣйшія обѣщанія, но ни одного не исполнилъ. Однакожъ его изслѣдованія въ Тобольской губерніи были справедливы, и онъ не притѣснялъ Брина. Съ чиновниками, которыхъ нашелъ виновными въ худомъ исполненіи ихъ должностей, обходился онъ снисходительно. Тѣмъ, которыхъ считалъ вредными, посовѣтывалъ выдти въ отставку, и видно было, что онъ хотѣлъ поступать кротко и особенно безъ притѣсненій и совѣстливо, не такъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ послѣдствіи. Но, когда это узнали мои враги въ Петербургѣ, то написали ему, что такими поступками онъ никому не понравится, даже и самому Монарху. Тогда онъ, забывъ и совѣсть и правила свои, рѣшился распоряжаться такъ, чтобы найти какъ можно болѣе виновныхъ, а мое правленіе представить въ дурномъ видѣ. Ему особенно препоручали какъ можно строже обходиться съ губернаторомъ Трескинымъ. (Все это было неизвѣстно. Государю). Въ Томской губерніи онъ старался всевозможно найти все худымъ, особенно ободрялъ тѣхъ, которые взводили какія нибудь обвиненія на губернатора и покровительствовалъ имъ. Въ Иркутской губерніи употребилъ онъ самыя непозволительныя и безсовѣстныя средства, чтобы вредить губернатору Трес[illegible]. Гнусному главному доносчику Гарновскому поручилъ онъ соч[illegible] планъ къ произ-

водству слѣдствія на счетъ Трескина и этому плану слѣдовалъ въ точности. Онъ учредилъ четыре комитета къ разсмотрѣнію всѣхъ доносовъ и мнимыхъ безпорядковъ, о которыхъ ему говорили; въ эти комитеты помѣстилъ онъ членами самихъ доносчиковъ, которые по закону и справедливости не могутъ быть въ одно время обвинителями и судьями. Всѣхъ недовольныхъ, которые за лихоимство были мною отставлены и большею частію находились подъ судомъ, или были законнымъ порядкомъ уже осуждены, опредѣлилъ онъ опять въ службу и употреблялъ ихъ при всѣхъ слѣдствіяхъ. Что же другаго могло изъ сего произойти, какъ то, что всѣ плуты были оправданы, а всѣ честные люди обвинены? Такъ и случилось? 678 человѣкъ были обвинены въ лихоимствѣ, котораго никто не могъ доказать. Стоитъ только прочесть указъ, вышедшій на счетъ этого обревизованія, то можно удостовѣриться въ томъ, что 678 человѣкъ по одному только подозрѣнію, возбужденному безсовѣстными доносами величайшихъ и извѣстнѣйшихъ плутовъ Сибири, были отчасти наказаны, отчасти отданы на 10 лѣтъ подъ присмотръ полиціи; губернаторы же, Томскій и Иркутскій, отъ которыхъ Сперанскій никогда ни малѣйшаго оправданія не спрашивалъ, были сперва отставлены отъ ихъ должности, а потомъ отданы подъ судъ въ Сенатъ! И такъ они могли еще оправдаться, а были уже наказаны.

Я, какъ генералъ-губернаторъ, былъ обвиненъ: 1) въ томъ, что далъ слишкомъ много власти губернаторамъ. Выше было уже сказано, что Сенату и министру полиціи было, въ продолженіи 14 лѣтъ, извѣстно, какую власть я далъ губернаторамъ при отъѣздѣ моемъ изъ Сибири, и они эту мѣру не охуждали; 2) что я защищалъ губернаторовъ въ ихъ противозаконныхъ поступкахъ; но были ль эти поступки противозаконными или нѣтъ, это еще долженъ былъ рѣшить Сенатъ; 3) что я 12 лѣтъ жилъ въ отдаленіи отъ ввѣренныхъ мнѣ губерній. Я уже объяснилъ, за чѣмъ я жилъ въ Петербургѣ и что я нѣсколько разъ письменно и словесно настоятельно просилъ уволить меня отъ управленія сихъ губерній, а Государь самъ мнѣ въ этомъ отказывалъ, и когда даже Комитетъ Министровъ требовалъ, чтобы я отправился въ Сибирь, то Монархъ самъ на это не согласился.

Изъ всего этого видно, что все, въ чемъ меня обвиняли и за что я былъ отставленъ отъ службы, само собою оправдывается и ясно доказываетъ мою невинность. Я долженъ отвѣчать за губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго; они же не были допрашиваемы на счетъ взведенныхъ на нихъ обвиненій и должны еще оправдываться въ Сенатѣ; а я нахожусь, послѣ 42 лѣтней вѣрной службы, исключенъ изъ службы безъ насущнаго хлѣба: ибо я ничего болѣе не сохранилъ, какъ 3000 р. пенсіи, назначенной мнѣ пожизненно въ 1801 году; у меня даже отняли 3000 р. столовыхъ, пожалованныхъ мнѣ въ 1804 году за обревизованіе Казанской губерніи. Если бы оба губернатора оправдались, то за что же меня отставили отъ службы? За что сенатскій указъ опубликовали о томъ во всемъ

государствѣ, безъ соизволенія на то Монарха; ибо въ указѣ Государя ничего не сказано объ этомъ распубликованіи, касающагося до моей особы? Первый департаментъ Сената и не хотѣлъ этого сдѣлать, но Журавлевъ, директоръ канцеляріи министра юстиціи (прежде бывшій подчиненный и любимецъ Сперанскаго) настоялъ на томъ и послалъ отъ имени министра юстиціи записку по этому случаю оберъ-прокурору перваго департамента Сената, и сенаторы этого департамента перемѣнили свое первое рѣшеніе и циркулярнымъ указомъ распубликовали меня во всемъ государствѣ, вмѣстѣ съ тѣми, которые должны были 10 лѣтъ пробыть подъ присмотромъ полиціи и до которыхъ однихъ только и касалось повелѣніе Монарха о распубликованіи. Также помѣстили мое удаленіе отъ службы въ иностранныя газеты. Не знаю, кто это сдѣлалъ; но такъ какъ къ тому присоединена великая похвала Сперанскому, то это долженъ быть кто нибудь полагавшій тѣмъ ему угодить.

Послѣ всѣхъ этихъ печальныхъ и для меня оскорбительныхъ происшествій, остался я въ Петербургѣ, на сколько необходимо было для устройства съ моими заимодавцами, чтобы они позволили мнѣ выѣхать. Жена и дочь мои отправились въ Іюлѣ 1822 года къ нашимъ двоюроднымъ сестрамъ въ Псковскую губернію, такъ какъ въ собственной нашей деревнѣ не было устроеннаго дома. Я послѣдовалъ за ними въ Декабрѣ того же года.

По совѣсти могу сказать, что послѣ моей отставки нога моя не была въ домѣ какого нибудь министра, или другаго значительнаго человѣка. Я слишкомъ живо чувствовалъ свою невинность и всю несправедливость подобнаго со мною обращенія, чтобы съ кѣмъ нибудь объясниться на этотъ счетъ. Охотно бы просилъ я средствъ къ оправданію, но кто бы меня судилъ? Тѣже сильные люди, которые такъ много трудились, чтобы меня свергнуть. Мнѣ бы опять пришлось перенести столько оскорбленій, что онѣ сократили бы мою жизнь, которая была еще необходима моему семейству. Я долженъ былъ бы много лѣтъ прожить въ Петербургѣ, прежде нежели выслушали бы меня и рѣшили, какимъ образомъ всѣ мои оправданія уничтожить. Богу Всемогущему ввѣряю мое оправданіе. Ему все извѣстно, какъ я поступалъ, съ какими побужденіями и по какимъ правиламъ я дѣйствовалъ и служилъ. Да благословитъ Онъ умилосердиться надо мною и моимъ бѣднымъ семействомъ. Между тѣмъ я живу въ бѣдности и горѣ и посреди всякаго рода заботъ, въ незначительной деревнѣ жены моей, нашемъ единственномъ имѣніи. Вѣра, надежда и любовь моя ко Всемогущему и меня нѣкогда оправдаютъ и спокойно приведутъ меня къ концу жизни, въ которой я такъ много долженъ былъ страдать. Да не считаютъ меня только жена и дѣти мои виновнымъ, и да унесу я съ собою въ могилу удостовѣреніе ихъ уваженія и любви!

19 Іюня 1823 года прибылъ я съ женою и дочерью въ наше имѣніе Васильево, въ Смоленской губерніи. Отъ дороги мнѣ осталось только 75 руб. ассиг., съ которыми началъ я свое хозяйство въ деревнѣ. Мы должны были претерпѣвать великіе недостатки, ибо не-

урожайные годы 1820, 21 и 22 лишили насъ всѣхъ доходовъ отъ имѣнія, и часто случалось, что у меня копѣйки не было. Терпѣливо переносили я, жена и дочь мои нашу участь; однакожъ, когда заботы мои, особливо на счетъ уплаты моихъ многочисленныхъ долговъ, сдѣлались нестерпимы, то я рѣшился 17 Апрѣля 1824 года написать Государю и просить его о продолженіи моей аренды (которой срокъ кончался въ 1826 году, но которую я уже всю ассигновалъ моимъ заимодавцамъ) и 3000 р. столовыхъ, назначенныхъ мнѣ, когда я былъ сенаторомъ. Слѣдствіемъ сей просьбы моей былъ именной указъ отъ 16 Іюня 1824 года министру финансовъ Канкрину о выдачѣ мнѣ ежегодно на будущее время 3000 р. столовыхъ. 23 Октября 1824 года я написалъ Монарху письмо, гдѣ изъявлялъ всю мою благодарность и подробно описывалъ мою 42-хъ лѣтнюю вѣрную и усердную службу. Это письмо передалъ Государь съ надписью: „доложить по прибытіи Миницкаго“. Поводомъ къ сей резолюціи было слѣдующее обстоятельство. Степанъ Ивановичъ Миницкій былъ генералъ-губернаторомъ Вологды, Архангельска и Олонецка, и когда Государь проѣзжалъ чрезъ Вологду, то Миницкій сказалъ ему, что нѣкоторые купцы, проживавшіе во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, съ чувствомъ хвалили ему мое управленіе во время моей службы въ Сибири и увѣряли, что слѣдствіе, произведенное Сперанскимъ, было самое безсовѣстное, какое только можно было себѣ представить, что всѣ его обвиненія основаны были на показаніяхъ величайшихъ негодяевъ Сибири, безъ всякаго формальнаго изслѣдованія и что обвиненнымъ не дано было никакого случая къ оправданію. Это объясненіе г. Миницкаго было тоже поводомъ къ тому, что Государь, получивъ третіе прошеніе Трескина объ окончаніи его дѣла, приказалъ чрезъ графа Аракчеева министру юстиціи князю Лобанову немедленно рѣшить въ Сенатѣ дѣло Трескина и велѣлъ статсъ-секретарю сообщить это приказаніе Трескину.

19 Февраля 1825 года снова написалъ я Государю письмо и просилъ о продолженіи моей аренды, которой срокъ кончался въ 1826 году и которая была необходима для уплаты моихъ долговъ. Это письмо было отослано по высочайшему повелѣнію 14 Марта 1825 года графомъ Аракчеевымъ министру финансовъ Канкрину, для исполненія моей просьбы. 12 Августа 1825 года вышелъ собственноручно Монархомъ подписанный приказъ министру финансовъ: удѣлить мнѣ въ Витебской губерніи на 12 лѣтъ аренду въ 3289 р., и такъ какъ эта аренда могла быть свободна только съ 1828 года, то велѣно было за 1826 и 1827 годы уплачивать такую же сумму изъ казны. Въ указѣ сказано: „не въ примѣръ другимъ“, такъ какъ выплачиваніе арендныхъ суммъ до вступленія во владѣніе самой аренды было запрещено самимъ Монархомъ. Извѣстіе о сей милости Государя сообщилъ мнѣ оффиціально, какъ министръ финансовъ, такъ и статсъ-секретарь Муравьевъ, состоящій при собственной канцеляріи Монарха подъ начальствомъ графа Аракчеева.

Здѣсь прекращаются записки Ивана Борисовича Пестеля о службѣ его. Нужно замѣтить, что императоръ Александръ отправился скоро въ Таганрогъ и скончался, не видясь болѣе съ Миницкимъ; почему не извѣстно, съ какимъ намѣреніемъ Его Величество надписалъ на письмѣ Ивана Борисовича: „доложить по прибытіи Миницкаго“, и какое слѣдствіе могло бы оно имѣть.

Иванъ Борисовичъ Пестель продолжалъ жить въ деревнѣ, Смоленской губерніи, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и величайшимъ довѣріемъ всей губерніи, но ведя самый уединенный образъ жизни, посреди лишеній всякаго рода; потому что почти всѣ свои доходы посвящалъ на уплату 200,000 р. ассиг. долговъ, нажитыхъ имъ во время своей безкорыстной службы, продолжительнаго пребыванія съ многочисленнымъ семействомъ въ Петербургѣ, вынужденнаго вышеописанными обстоятельствами. Удовлетвореніе заимодавцевъ замедлялось уплатою процентовъ. /Послѣ многихъ ужасныхъ семейныхъ ударовъ, растерзавшихъ его чувствительное сердце, онъ въ 1836 году лишился обожаемой супруги, томившейся 10 лѣтъ въ тяжкой болѣзни, отъ неописанной горести ея материнскаго сердца. Въ 1843 году, заплатя послѣдній долгъ свой, что всегда было его живѣйшимъ желаніемъ и постоянною цѣлію его стремленій, Иванъ Борисовичъ Пестель тихо скончался въ г. Смоленскѣ, на рукахъ, единственной дочери, послѣ продолжительной болѣзни, на 78 году жизни своей, не оставивъ дѣтямъ своимъ ничего, кромѣ примѣра истинно-христіанской добродѣтели и глубокаго благоговѣнія къ его высокимъ достоинствамъ и строгимъ правиламъ.

III. Записка о генералъ-маіорѣ Куткинѣ [7]).

Въ 1811 году, когда я пріѣхалъ въ Тобольскъ, исторія Куткина была въ свѣжей памяти всѣхъ Тобольскихъ жителей, и во всѣхъ домахъ разсказывали, почти единогласно, о Куткинѣ слѣдующее.

Начальникъ Тобольской Провіантской Коммисіи, генералъ-маіоръ Ѳедоръ Тихоновичъ Куткинъ былъ человѣкъ умный, хитрый и крайне самолюбивый. При предмѣстникѣ Пестеля, слабомъ генералъ-губернаторѣ Селифонтьевѣ, онъ имѣлъ большую силу не только по своей части, но вообще по гражданскому управленію всѣхъ Сибирскихъ губерній. Если кто хотѣлъ снискать милость Селифонтьева, тотъ долженъ былъ напередъ пріобрѣсти себѣ расположеніе Куткина, чрезъ котораго почти всѣ важнѣйшія дѣла обработывались. Избалованный такимъ образомъ, Куткинъ мечталъ и при Пестелѣ играть туже роль. Но Пестель былъ остороженъ; при томъ еще въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь, онъ уже былъ предубѣжденъ противъ Куткина и имѣлъ въ своихъ рукахъ бумаги, переданныя кѣмъ-то изъ сильныхъ лицъ, съ замѣчаніемъ, что Куткинъ въ Сибири шалитъ, и его надобно унять.

Пестель, пріѣхавъ въ Тобольскъ, встрѣтился съ Куткинымъ на званомъ обѣдѣ [8]), а принялъ его у себя вмѣстѣ съ прочими чи-

[7]) Кто именно писалъ эту записку, намъ неизвѣстно; видно только (стр. 411), что авторъ былъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія въ Тобольскѣ. *П. Б.*

[8]) См. Жизнь Сперанскаго, II, 166.

новниками, обошелся съ нимъ вѣжливо и даже отплатилъ ему визитъ. Нѣсколько времени прошло благополучно. Пестель замаскировалъ себя притворною ласкою для того, чтобы ближе и короче узнать Куткина, а чрезъ агентовъ своихъ старался развѣдать подъ рукою о его поступкахъ по службѣ. Конечно нашлись недоброжелатели, которые, пользуясь случаемъ вредить Куткину, поносили его нарочно при такихъ лицахъ, которыя могли передавать все слышанное Пестелю. Сверхъ всего, въ канцеляріяхъ генералъ-губернаторской и Губернскаго Правленія отысканы были бумаги, открывавшія злоупотребленія провіантскихъ чиновниковъ и остававшіяся большею частію безъ движенія. Наконецъ уже и самъ Пестель сталъ получать отъ военнаго въ Сибири начальства жалобы на отпускаемый изъ провіантскихъ магазейновъ затхлый хлѣбъ и прижимки чиновниковъ и вахтеровъ при сдачѣ онаго.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, Пестель все еще щадилъ Куткина; но, желая пресѣчь зло безъ дальняго шума, пригласилъ его къ себѣ и въ кабинетѣ при секретарѣ сказалъ ему: „Ваше превосходительство, вы имѣете враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ; у меня есть въ рукахъ на васъ доносы; можетъ быть, все это клевета, или можетъ быть ваши чиновники употребляютъ во зло ваше довѣріе: остерегитесь и удалите неблагонадежныхъ; со мною нельзя служить такъ, какъ съ Силифонтьевымъ“. Это былъ громовый ударъ для самолюбія Куткина, и онъ такъ растерялся, что почти не могъ отвѣчать; но оправясь сталъ защищать себя и своихъ чиновниковъ. Пестель его прервалъ и сказалъ: „Я охотно вамъ вѣрю, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы опровергнете клевету на самомъ дѣлѣ“.

Вотъ начало, или лучше сказать, искра того пожара, который послѣ вспыхнулъ со всею силою на погибель Куткина. Еще можно было поправить дѣло; еще можно было помириться съ Пестелемъ, еслибъ Куткинъ послѣдовалъ его совѣту; но онъ, какъ избалованный, прежде никогда не получавшій подобныхъ наставленій, невоздержный и даже дерзкій на словахъ, сталъ вездѣ громко жаловаться на причиненную ему Пестелемъ обиду, хвастаться покровительствомъ Петербургскаго начальства и, насмѣхаясь, говорить, что этотъ вѣникъ (т. е. Пестель) теперь только шумитъ, но придетъ время, онъ обметется и будетъ голикъ: тогда мы возмемъ его въ свои руки! Конечно это дошло до Пестеля, и даже съ прибавленіями.

Вскорѣ послѣ сего дѣйствительно былъ непріятный разговоръ у Пестеля съ Куткинымъ на званомъ обѣдѣ у градскаго головы. Пестель обратился къ бывшимъ на обѣдѣ купцамъ съ вопросомъ: почему они уклоняются отъ подрядовъ и поставокъ въ казну провіанта въ Тобольской губерніи? Купцы отвѣчали: что они привыкли вести торговлю въ Кяхтѣ, гдѣ затрачиваютъ всѣ свои капиталы, и что торговля хлѣбомъ имъ незнакома и опасна. — Почему опасна? спросилъ Пестель: развѣ вы боитесь имѣть дѣло съ казною? Будьте увѣрены, что я не допущу притѣсненій, какія бывали здѣсь прежде по этой части.—Куткинъ принялъ этотъ намёкъ на

свой счетъ и тономъ раздраженнымъ сказалъ: Здѣсь никто никого не притѣснялъ при предмѣстникѣ вашемъ; когда вы лучше всмотритесь въ дѣло, то перемѣните невыгодное объ насъ мнѣніе. Этотъ колкій отвѣтъ вызвалъ судорожную улыбку у Пестеля, который, сказавъ: „увидимъ“, обратилъ разговоръ на другіе предметы.—Обѣдъ кончился. Пестель тотчасъ уѣхалъ, а Куткинъ, оставшись съ прочими гостьми и будучи разгоряченъ нѣсколькими бокалами шампанскаго вина, пуще прежняго сталъ хвастаться передъ купцами и говорить: „видите, какъ я озадачилъ этого лилипута; нѣтъ, онъ у меня немного возметъ“. Сими неблагоразумными поступками Куткинъ все болѣе и болѣе злилъ Пестеля и вызывалъ его съ собою на бой.

Пестель, увидѣвъ, что Куткинъ не смиряется и что нѣтъ уже надежды прекратить злоупотребленія въ провіантской части кроткими мѣрами, пустилъ въ ходъ всѣ доносы и разослалъ чиновниковъ для слѣдствій; а Провіантской Коммисіи далъ предложеніе: доставлять ему еженедѣльно свѣдѣнія о хлѣбныхъ операціяхъ, чего при Силифонтьевѣ не было. Но Куткинъ и здѣсь вошелъ въ пререканіе: отказалъ въ доставленіи требуемыхъ свѣдѣній, ссылаясь на то, что Коммисія не имѣетъ на сей предметъ отъ своего Петербургскаго начальства предписанія.

Такимъ образомъ ссора открылась явная и оффиціальная.

Въ первое время Куткинъ не унывалъ; но когда стали доходить до него слухи, что слѣдствія идутъ не въ его пользу, онъ тогда только почувствовалъ опасность своего положенія и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, по совѣту своихъ Петербургскихъ пріятелей, сталъ просить о переводѣ его въ другое мѣсто, въ чемъ и успѣлъ. Получивъ объ этомъ бумагу, Куткинъ немедленно сдалъ должность свою старшему по себѣ члену Коммисіи и, не сказавшись генералъ-губернатору, скрытно выѣхалъ изъ Тобольска въ Петербургъ. Симъ поступкомъ Куткинъ окончательно себя погубилъ.

Слѣдствія шли въ самомъ разгарѣ, и отъ Куткина нужны были объясненія; на семъ основаніи Пестель въ слѣдъ за нимъ отправилъ донесеніе къ военному министру графу Аракчееву съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и съ просьбою возвратить Куткина въ Тобольскъ, какъ лицо необходимо-нужное при слѣдствіи.—Когда Куткинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представлялся къ графу Аракчееву, тотъ принялъ его сурово, приказалъ явиться въ департаментъ военнаго министерства и тутъ же далъ ему записку къ начальнику этого мѣста. Въ запискѣ объявлялось высочайшее повелѣніе, чтобы генералъ-маіора Куткина, арестовавъ, отправить на дворцовую гауптвахту и вмѣстѣ съ симъ захватить всѣ его бумаги на его квартирѣ. Куткина отвезли на гауптвахту, но что́ найдено въ бумагахъ, неизвѣстно; а чрезъ три дня Куткинъ былъ отправленъ за карауломъ въ Тобольскъ, гдѣ велѣно содержать его подъ арестомъ въ своемъ домѣ.

Вотъ показанія Тобольскихъ жителей, въ справедливости которыхъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторъ Пестель не имѣлъ бы и права арестовать и предавать военному суду военнаго генерала безъ высочайшаго соизволенія.

Странно—разсуждали нѣкоторые—что Куткинъ, при своемъ хитромъ умѣ и опытности, позволилъ себѣ начать ссору съ сильнымъ лицомъ генералъ-губернатора. Но это объясняется тѣмъ: 1) строптивымъ его характеромъ и самонадѣянностію, 2) незнаніемъ характера Пестеля и его кредита у Двора, 3) что дѣла свои по провіантской части онъ обдѣлывалъ ловко и искусно такъ, что если и были на немъ грѣшки, то, ограждаясь формами, онъ не могъ быть уличенъ; и потому не только ничего и никого не боялся, но даже не подозрѣвалъ, чтобъ Пестель могъ сдѣлать ему какой либо вредъ, и наконецъ 4) что имѣлъ покровителя въ лицѣ значительномъ (кажется, генералъ-провіантмейстерѣ) и связи съ близкими къ военному министру чиновниками. Послѣ онъ увидѣлъ свою ошибку, но уже поправить ее было нельзя.

Куткинъ, привезенный въ Тобольскъ арестованнымъ, заключенъ былъ въ своемъ домѣ. Первоначально приставленъ былъ къ его комнатамъ часовой съ ружьемъ, но Фонъ-Бринъ смѣнилъ часоваго полицейскимъ солдатомъ, жившимъ въ отдаленной избѣ съ дворовыми людьми Куткина; также и доступъ къ нему сдѣлалъ свободнѣе. Но, къ сожалѣнію, почти всѣ его оставили, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, впавшими въ несчастіе. Только почтенное семейство купцовъ Селивановыхъ, инспекторъ Врачебной Управы добродушный Кернъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ изрѣдка его посѣщали. Изъ пріѣзжавшихъ изъ столицы чиновниковъ нѣкоторые дѣлали ему визиты, болѣе изъ любопытства. Я не имѣлъ духу быть у него и видѣть страданія старика и его несчастнаго семейства, которымъ ничѣмъ не могъ быть полезенъ. — Непріятели его, во время могущества пресмыкавшіеся предъ нимъ, торжествовали и злорадно подшучивали: „нашла-де коса на камень!“ Фонъ-Бринъ былъ у него одинъ разъ; но Куткинъ принялъ визитъ его съ дурной стороны и спросилъ: Зачѣмъ ваше превосходительство пожаловали? Не осмотрѣть ли мои оковы?“ и самъ горько заплакалъ. Губернаторъ былъ тронутъ и отвѣчалъ ему: „Вы, генералъ, ошибаетесь; я пришелъ лично узнать отъ васъ, не имѣете ли вы въ чемъ надобности; требуйте, я готовъ исполнить все, что только въ моей власти“.—„Благодарю, сказалъ Куткинъ, мнѣ ничего не нужно, дайте только воздуху, воздуху, воздуху“,—и съ этой поры Куткинъ могъ выѣзжать даже за городъ съ своимъ семействомъ и знакомыми для гулянья. У Куткина были должники бездокументальные; нѣкоторые заплатили ему честно, а иные отказывались. Фонъ-Бринъ и въ этомъ случаѣ помогъ, убѣдивъ послѣднихъ раздѣлаться съ Куткинымъ даже съ процентами.

Куткинъ провелъ въ заключеніи 9 лѣтъ по самую смерть свою. Въ теченіи сего времени слѣдствія шли все шире и шире, обняли всю Тобольскую и Томскую губерніи, и наконецъ все дѣло соста-

вилось изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ листовъ, отправленныхъ въ Петербургъ на возахъ. Судъ надъ нимъ кончился въ Правительствующемъ Сенатѣ. Былъ ли судимъ Куткинъ, какъ военный генералъ, военнымъ судомъ въ генералъ-аудиторіатѣ, неизвѣстно; но едва ли, потому что въ такомъ случаѣ не для чего было судить его вторично въ Сенатѣ. — Куткинъ по суду не признанъ виновнымъ; но въ общественномъ мнѣніи въ Сибири слылъ небезкорыстнымъ, какъ потому, что при Селифонтьевѣ принималъ на себя ходатайство по сторонним дѣламъ, конечно не изъ пустыхъ поклоновъ, такъ и потому, что пріѣхалъ въ Тобольскъ почти безъ копѣйки, нажилъ деньги (прожитыя потомъ въ 9 лѣтнее его заключеніе), устроилъ фабрику, купилъ хорошій домъ и жилъ, до паденія своего, открыто; а на все это не могло доставать ему одного жалованья.

Теперь предстоитъ вопросъ: почему же Куткинъ оправданъ?

Вопросъ этотъ можно рѣшить только двумя предположеніями: 1) Куткинъ, какъ хитрый человѣкъ, знавшій всѣ провіантскія тонкости и продѣлки, ограждалъ себя, какъ выше сказано, формами и не могъ быть уличенъ въ лихоимствѣ,—что̀ сплошь и рядомъ бываетъ со всѣми лихоимцами. 2) Сперанскій, принимавшій сильное участіе въ семействѣ Куткина, вѣроятно содѣйствовалъ благополучному исходу дѣла въ Сенатѣ, подобно тому, какъ поступилъ онъ съ Илличевскимъ [9]) въ тѣхъ видахъ, что безъ оправданія Куткина онъ не могъ испрашивать ни пансіона женѣ его, ни задержаннаго жалованья, ни денежнаго вознагражденія за фабрику. А смѣна Пестеля и смерть Куткина еще болѣе облегчили это ходатайство.

Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ не въ 1817, а въ 1815 году лѣтомъ; семейство же его выѣхало изъ Сибири въ началѣ 1816 года. Оно было въ самомъ затруднительномъ положеніи: все движимое имѣніе было секвестровано и по описи значилось принадлежащимъ самому Куткину. Вдова-жена Куткина, по смерти своего мужа, оспаривала и описанныя вещи называла своими, но доказательствъ не имѣла и не представила. Губернское начальство затруднялось выдать ей эти вещи; Куткина подавала просьбу къ прокурору въ Губернское Правленіе и къ губернатору и наконецъ, одна изъ дочерей Куткина, Олимпіада Ѳедоровна, не знавшая меня лично, обратилась ко мнѣ и просила, по званію совѣтника Губернскаго Правленія, моего содѣйствія. Я показалъ письмо ея губернатору. Фонъ-Бринъ, какъ всегда склонный къ помощи несчастнымъ, убѣдясь положеніемъ Куткиныхъ, мнѣ сказалъ: по настоящему нельзя выдать вещей, но такъ и быть, я выдамъ, если вы и прочіе члены согласитесь раздѣлить со мною отвѣтственность въ случаѣ взысканія. Конечно всѣ охотно согласились, и вещи были выданы. По описи ихъ значилось, помнится, на 2300 руб. ассиг. За мое содѣйствіе я получилъ отъ Олимпіады Ѳедоровны благодарное письмо, которое и теперь у меня. Послѣ сего Куткины выѣхали изъ Тобольска благополучно, безъ всякаго посторонняго содѣйствія; никто за ними не пріѣзжалъ, и ни одна изъ дочерей не вышла замужъ въ Тобольскѣ. Слыш-

[9]) Жизнь Сперанскаго, II, 265.

но было послѣ, что которая-то изъ дочерей вышла замужъ въ Казани за того, кто сватался ее прежде, еще при жизни отца, но получилъ отказъ: слѣдовательно онъ женился на ней не изъ жалости, а по любви.

Принимая искреннее участіе въ невинномъ и несчастномъ семействѣ Куткина, нельзя оправдывать ихъ отца, который высокомѣріемъ и заносчивостію ввергнулъ оное въ несчастіе. Если Пестель поступилъ съ нимъ излишне строго, то онъ вынужденъ былъ къ тому, кромѣ упрямства и неисправимости Куткина, еще слѣдующими обстоятельствами: по тѣмъ безпорядкамъ, распущенности и злоупотребленіямъ, которыя существовали при слабомъ Селифонтьевѣ, Государь уполномочилъ Пестеля высочайшею довѣренностію все это прекратить и Сибирь отъ недостойныхъ лицъ очистить. Пестель по сему обязанъ былъ въ точности исполнить высочайшую волю, а исполнить ее, при крайней испорченности нравовъ чиновныхъ лицъ, нельзя было иначе, какъ однѣми энергическими мѣрами, подобно тому, какъ самъ Сперанскій поступилъ съ Иркутскими чиновниками.

Пестель пріѣзжаетъ въ Тобольскъ, всматривается въ дѣла, въ людей, еще никого не караетъ — и что же видитъ?—У него, такъ сказать, подъ носомъ, продолжаютъ дѣлать тоже, что̀ дѣлали при Селифонтьевѣ, и во главѣ этихъ лицъ стоитъ — Куткинъ, который не только не внемлетъ предостереженіямъ генералъ-губернатора, но еще кичится и публично надъ нимъ насмѣхается; а за нимъ приверженцы его, какъ говорится, въ усъ себѣ не дуютъ и знать ничего не хотятъ. Нуженъ былъ рѣзкій примѣръ, чтобъ обуздать своевольство, и къ несчастію Куткина, по его опрометчивости, жребій этотъ палъ на него. — Извѣстно, что Пестель не требовалъ ареста Куткина, а просилъ только высылки его въ Тобольскъ: слѣдственно эту излишнюю строгость должно отнести къ деспотизму Аракчеева, а за симъ 9-лѣтнее содержаніе Куткина подъ стражею уже не зависѣло отъ Пестеля.—Равно нельзя обвинять его въ продолжительности дѣла потому, что оно день отъ дня становилось обширнѣе и многосложнѣе; тысячи лицъ болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, какъ то подрядчиковъ, смотрителей, провіантскихъ чиновниковъ, вахтеровъ, подводчиковъ и проч., разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ двухъ губерній — Тобольской и Томской, — требовали разспросовъ, повѣрокъ, очныхъ ставокъ, и лишь оканчивался одинъ доносъ, какъ являлся другой. Часто самъ Куткинъ затруднялъ ходъ дѣла, ссылаясь на такія обстоятельства, которыя требовали новой повѣрки. По служенію моему въ Губернскомъ Правленіи, мнѣ извѣстно, что Куткинъ послалъ въ разное время болѣе десяти просьбъ къ министрамъ: военному, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и въ Сенатъ, либо жалуясь на слѣдователей, либо указывая новыя обстоятельства и прося о переслѣдованіи, и всѣ эти просьбы обращались въ Губернское Правленіе съ тѣмъ, чтобы дать имъ законный ходъ. Онъ, какъ будто съ намѣреніемъ, самъ затягивалъ дѣло на продолжительное время, опасаясь ли въ

началѣ того, что чрезъ скорое окончаніе онаго, при силѣ Пестеля, получится неблагопріятный для него результатъ; или, потомъ, выжидая смѣны Пестеля, о которой тогда громко говорили. Пестель самъ тяготился медленностію слѣдствій: мнѣ это извѣстно, какъ по строгимъ предписаніямъ его, чтобъ скорѣе ихъ кончить, такъ и по тому еще, что въ 1815 году, въ пріѣздъ мой въ Петербургъ, въ отпускъ, Пестель лично мнѣ сказалъ: „Когда мы избавимся этого безпокойнаго человѣка (т. е. Куткина); онъ своими кляузами надоѣлъ здѣсь мнѣ и всѣмъ; я радъ бы его выпустить, но это не въ моей власти: Аракчеевъ не хочетъ“.

Описавъ все, что̀ касалось Куткинскаго дѣла, я считаю не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на все управленіе Пестеля Сибирью съ тою цѣлію, что нѣкоторыя мои мысли, можетъ быть, еще болѣе поясняятъ тѣ обстоятельства, которыя авторъ книги „Жизнь графа Сперанскаго“ изложилъ фактически съ полнымъ безпристрастіемъ и добросовѣстностію. Здѣсь встрѣтится въ иномъ разномысліе между нами, но это разномысліе нисколько не измѣнитъ вѣрности изложенія автора и только прольетъ свѣтъ на критическое положеніе, въ которомъ Пестель находился и покажетъ причины, почему онъ такъ, а не иначе управлялъ и дѣйствовалъ.

Отдавая должную справедливость достоинствамъ Пестеля, нельзя скрыть, что онъ былъ властолюбивъ, воспріимчивъ и желченъ; отсюда проистекали всѣ порывы самовластія его. По ложному разсчету онъ хотѣлъ управлять болѣе страхомъ. Будучи самъ дѣятеленъ и честенъ, онъ не любилъ въ службѣ лѣнивыхъ и взяточниковъ: первыхъ называлъ трутнями и удалялъ отъ дѣлъ, а послѣднихъ піявицами и преслѣдовалъ ихъ до могилы. Объѣхавъ Сибирь, Пестель узналъ всю нравственную чиновничью грязь; а потомъ, живя въ Петербургѣ, за 6 тысячь верстъ отъ средоточія Сибири, онъ смотрѣлъ чужими глазами и слышалъ чужими ушами и потому судилъ и дѣйствовалъ иногда пристрастно. Все зависѣло отъ того, какъ представлялись ему дѣла: въ Тобольскѣ, въ семи лѣтнее мое служеніе, только два земскихъ чиновника преданы суду; никто не былъ арестованъ и сосланъ, потому что начальникомъ губерніи былъ кроткій и благонамѣренный Фонъ-Бринъ. Въ Томскѣ, въ управленіе Василія Романовича Марченка, также не было вопіющихъ дѣлъ. Сверхъ сего надобно вспомнить тѣ времена и обстоятельства: что̀ за народъ былъ служебный въ Сибири? Взяточничество, пьянство и распутство всякаго рода были стихіею большей части чиновниковъ. Самъ Сперанскій жаловался на недостатокъ честныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ; но онъ уже засталъ присутственныя мѣста и канцеляріи нѣсколько облагороженными и чиновниковъ лучшихъ потому, что по высочайшему указу 1809 года много пріѣхало въ Сибирь изъ столицъ и другихъ городовъ молодыхъ людей за чиномъ колежскаго ассесора; и хотя нѣкоторые изъ нихъ, по минованіи 3 лѣтней обязательной службы, возвратились въ Россію, но многіе остались и продолжали служить въ Сибири. Что̀ же нашелъ Пестель при своемъ пріѣздѣ? — Онъ

пріѣхалъ какъ бы въ дремучій лѣсъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ обманъ, противодѣйствіе, невѣжество, воровство казны, взяточничество въ судахъ и гдѣ чиновники, по своимъ поступкамъ, едва отличались отъ дикихъ хищныхъ звѣрей. А въ гражданскомъ обществѣ были двѣ личности въ высшей степени вредныя: откупщикъ Передовщиковъ и монополистъ (не помню фамиліи) Иркутскій купецъ, невѣжда и кляузникъ. Передовщиковъ до того злоупотреблялъ откупомъ, что вино продавалось съ вредною подмѣсью, отъ котораго люди скоропостижно умирали. Это доказано, и Передовщиковъ, по лишеніи добраго имени, сосланъ въ Туруханскъ. Купецъ-монополистъ захватилъ въ свои руки почти всю внутреннюю торговлю и, по огромному своему богатству, имѣя вліяніе на все Иркутское купечество, всегда старался своими кляузами возбуждать оное къ противодѣйствію правительству въ справедливыхъ его требованіяхъ. Онъ былъ удаленъ изъ Иркутска, и тогда торговля и дѣла общества приняли свой правильный ходъ. При такихъ лицахъ въ управленіи и при такихъ согражданахъ, могъ ли Пестель искоренить вѣковое зло гуманными средствами? Самъ Сперанскій, великодушный начальникъ, развѣ не смѣстилъ двухъ губернаторовъ и не предалъ суду множества чиновниковъ? Пестель превышалъ власть свою, но все же, по моему мнѣнію, съ желаніемъ водворить порядокъ и справедливость.

Да не подумаютъ изъ всего вышесказаннаго, что я защищаю Пестеля во всемъ — отнюдь нѣтъ. Я соглашаюсь, что, въ пылу своей раздражительности, онъ дѣлалъ несправедливости; не оправдываю слѣпой его довѣренности къ Трескину и не извиняю деспотическихъ его распоряженій; но при всемъ томъ я убѣжденъ, что онъ не былъ злонамѣреннымъ начальникомъ. Другія дѣла и другіе люди — онъ управлялъ бы справедливѣе и умѣреннѣе, потому что былъ уменъ, дѣятеленъ и безкорыстенъ, въ чемъ отдаютъ ему справедливость самые враги его; даже бывшій министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ. Пестель оставилъ Сибирь съ разстроеннымъ состояніемъ, тогда какъ другой на его мѣстѣ, менѣе честный, нажилъ бы милліоны [10]).

---

[10]) Въ Тобольскѣ разсказывали слѣдующій случай:

Откупщикъ Передовщиковъ, среди продолжавшагося объ немъ дѣла, уговорилъ одну значительную и коротко знакомую Пестелю даму пріѣхать изъ Москвы въ Петербургъ и хлопотать за него, съ обѣщаніемъ поднести Пестелю въ подарокъ 500,000 руб. ассиг. Дама эта пріѣхала и когда передала порученіе Передовщикова Пестелю, то Пестель, съ крайнимъ негодованіемъ выслушавъ, отвергнулъ

IV. Письмо Павла Ивановича Пестеля къ своимъ родителямъ отъ 13 Марта 1822 года

(Переводъ съ Французскаго).

Вчера утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12 Февраля, любезные родители, и вы можете себѣ представить, что̀ я почувствовалъ при извѣстіи о вашей отставкѣ, дорогой батюшка. Я радовался бы, видя васъ совершенно освобожденнымъ отъ службы, ежели бы финансовыя обстоятельства не были столь горестны. Теперь вижу, что не на что болѣе надѣяться и что слѣдуетъ только принять мѣры для избѣжанія совершеннаго раззоренія, и ежели вы позволите, то я осмѣлюсь представить вамъ нѣкоторыя мои мысли на сей счетъ. Я конечно понимаю, что ничего другаго не остается, какъ поскорѣе уѣхать изъ Петербурга и провести лѣто въ Псковской губерніи: у нашихъ родныхъ будетъ очень хорошо. Потомъ, разумѣется, надо будетъ похоронить себя въ Смоленской губерніи. Но какъ даже и для этого нужны деньги, то я съ своей стороны сдѣлаю все возможное, чтобы ихъ достать и послать вамъ какъ можно скорѣе. Нарочно поѣду для того въ Тульчинъ. Потомъ очень важная статья—это долги. Я еще въ службѣ и человѣкъ одинокій. Сдѣлайте мнѣ великую милость, дражайшіе родители, перепишите всѣ ваши заемныя письма на мое имя: тогда васъ не будутъ болѣе тревожить, а жалованье мое доставитъ хоть что нибудь вашимъ заимодавцамъ. Я думаю, что они охотно на это согласятся, и тотъ день, когда я подпишу всѣ ваши заемныя письма безъ исключенія, будетъ безъ сомнѣнія прекраснѣйшій день моей жизни, такъ какъ я тогда буду знать, что вы освобождены отъ всякаго безпокойства по этому предмету и можете жить въ Смоленской губерніи, хотя конечно очень ограниченно, но покрайней мѣрѣ спокойно. Не откажите мнѣ въ этой милости! Этотъ отказъ огорчилъ бы меня еще болѣе, нежели извѣстіе о неожиданномъ результатѣ дѣлъ Сибирскихъ. Мнѣ еще нѣтъ 30 лѣтъ; я могу еще имѣть успѣхъ въ жизни; для васъ же нуженъ покой послѣ безпрестанныхъ бурь, которыя до сихъ поръ потрясаютъ вашу жизнь. Пусть всѣ ваши долги безъ исключенія будутъ переведены на меня, и пусть какъ ваша особа, дорогой батюшка, такъ и Смоленское имѣніе останутся совершенно свободны отъ этого бремени: вотъ моя убѣдительная просьба, объ исполненіи которой не перестану умолять васъ. Это лучшее и даже единственное средство все устроить. Это будетъ лучше и для васъ, и для кредиторовъ, и для насъ всѣхъ. Но только нужно сдѣлать это поскорѣе, не теряя времени.

Что̀ касается до вотчины въ Смоленской губерніи, то какъ будущность непроницаема, и всякаго изъ насъ можетъ каждую минуту неожиданно постигнуть смерть, то я думаю, что вамъ слѣдуетъ немедленно сдѣлать духовное завѣщаніе и укрѣпить владѣ-

---

предлагаемыя ему деньги и дамѣ сказалъ, чтобъ она скорѣе возвратилась въ Москву, если не желаетъ получить себѣ непріятность. За справедливость этого слуха я не ручаюсь; но говорили такіе люди, которые знали это дѣло хорошо.

ніе этимъ имѣніемъ безраздѣльно Соничкѣ. Мы мущины, мы можемъ и должны безъ него обойтись, но это невозможно для бѣдняжки. Освободите же поскорѣе это имѣніе и укрѣпите его за Софи безраздѣльно. Это необходимая обязанность. Безъ этого, что̀ станется съ этою бѣдною и дорогою дѣвочкой?

Все, что́ я объясняю вамъ здѣсь, не есть мгновенные порывы чувствъ, но просто предложенія, объ исполненіи которыхъ я умоляю васъ на колѣняхъ безпрестанно и настоятельно. Ради Бога, сдѣлайте это все и сдѣлайте поскорѣе.

Что̀ касается до Александра, то я согласенъ съ нимъ въ томъ, что ему нечѣмъ будетъ существовать въ гвардейскомъ полку; и такъ переведите его въ Харьковскій драгунскій полкъ, гдѣ Снарскій полковникомъ. Ему тамъ будетъ очень хорошо, потому что графиня Витгенштейнъ, сестра Снарскаго, принимаетъ большое участіе въ томъ, что̀ съ вами случилось, и Александру болѣе ничего не нужно, какъ письмо отъ графини къ Снарскому. Вы, любезный батюшка, напишите сами къ Снарскому, а я обязуюсь давать Александру ежегодно отъ 1000 до 1500 р. ассиг., что̀ для него будетъ достаточно, тѣмъ болѣе, что казна даетъ офицерамъ лошадей. Пусть онъ продастъ въ Петербургѣ всѣ свои вещи, пусть онъ на эти деньги экипируется какъ можетъ; остальное здѣсь найдется, и пусть онъ сперва пріѣдетъ прямо ко мнѣ, а отъ меня поѣдетъ въ свой полкъ, который стоитъ недалеко отъ моего. Со временемъ можно будетъ опредѣлить его къ кому нибудь въ адъютанты, но сперва пусть послужитъ во фронтѣ. Такимъ образомъ Александръ будетъ служить и полезно, и пріятно и не будетъ вамъ ничего стоить, чего добрый малый очень желаетъ. Такъ какъ я собирался служить въ драгунахъ, то у меня есть много вещей для экипировки, между прочимъ все нужное для лошадей; и такъ ему почти не будетъ расхода.

Ничего не говорю про Владиміра и Бориса: они сами устроятся. Вы видите по моимъ предложеніямъ, мои дорогіе и добрые родители, что, не смотря на все огорченіе, которое причинила мнѣ ваша отставка, любезный батюшка, я болѣе думаю о томъ, что̀ должно дѣлать, нежели о томъ, что́ случилось.

Ожидаю извѣстій отъ васъ съ нетерпѣніемъ и тоскою и прошу васъ еще разъ устроить какъ можно скорѣе дѣло о векселяхъ. Милліонъ разъ цѣлую ваши руки.

Вашъ нѣжный сынъ Павелъ.